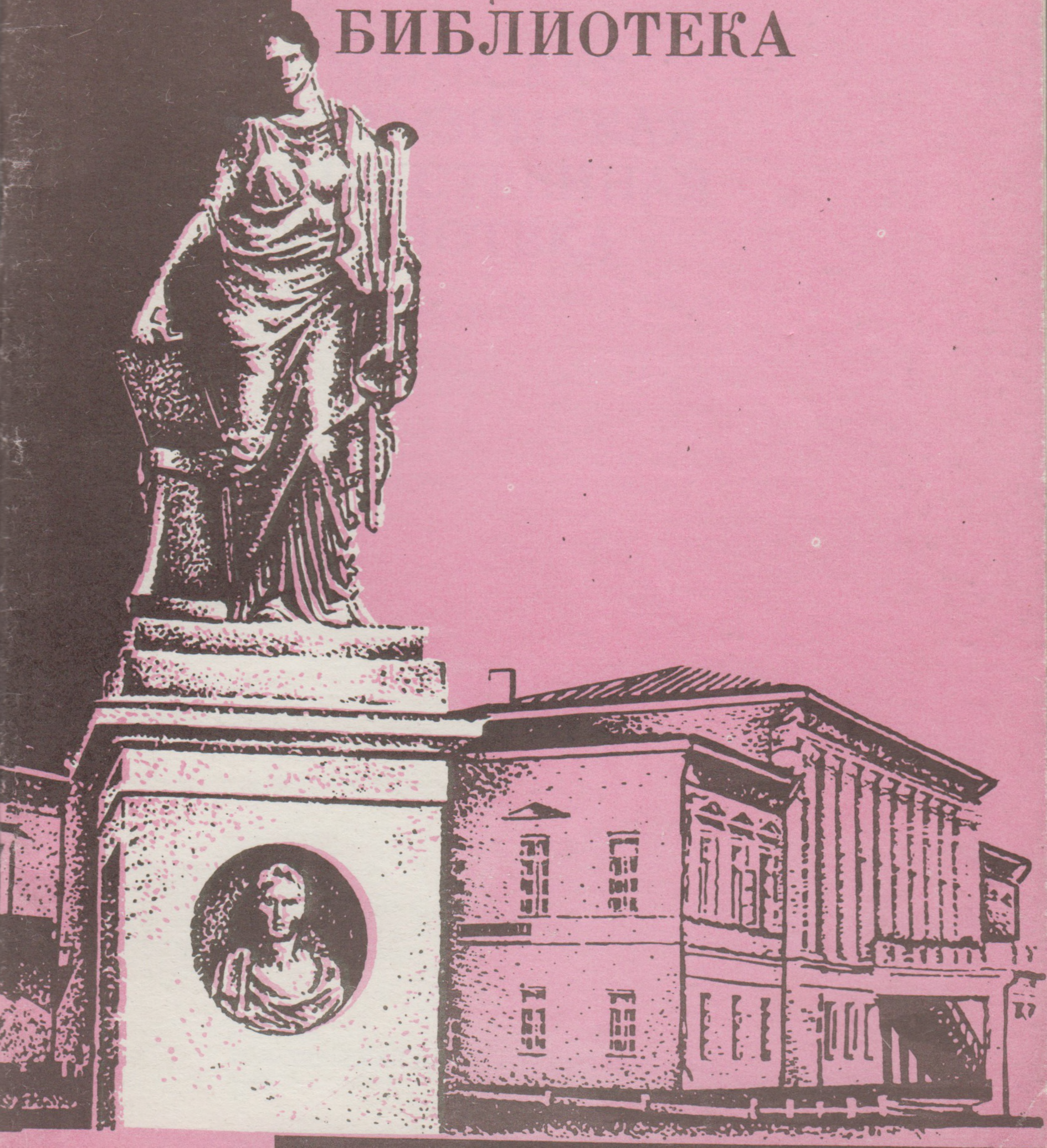
Жорес Трофимов

СИМБИРСКАЯ КАРАМЗИНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

исторический очерк

ЖОРЕС ТРОФИМОВ

СИМБИРСКАЯ КАРАМЗИНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Исторический очерк

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «РОССИЯ МОЛОДАЯ»
1992

ББК 78.33
Т 70

Брошюра написана по заказу Ульяновского государственного историко-мемориального заповедника “Родина В. И. Ленина”.

Иллюстрации подготовлены по материалам фондов Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова

Фоторепродукции М. А. Травиной.

На обложке: памятник русскому историку Н. М. Карамзину в Симбирске (Ульяновске) и здание Карамзинской общественной библиотеки (фрагменты с фотографий 1880г.)

Трофимов Ж. А.
Т 70 Симбирская Карамзинская общественная библиотека. Исторический очерк.— М: Издательский центр “Россия молодая”, 1992.—48 с.; илл.
ISBN 5-86646-018-1

В брошюре рассказывается об истории создания новой в Симбирске (Ульяновске) публичной библиотеки. Брошюра рассчитана на массового читателя.

ББК 78.33

Т $\frac{4403000000-026}{\text{“Россия молодая”}-92}$ Без объявл.

ISBN 5-86646-018-1

ОТ АВТОРА

К числу главных достопримечательностей Симбирска, фигурировавших в пореформенных путеводителях, непременно относилась и общественная библиотека, созданная в 1848 году в честь знаменитого симбирянина — писателя и историографа Российского государства Николая Михайловича Карамзина.

Благодаря щедрым пожертвованиям Языковых, Ивашевых, Карамзиных, Дмитриевых, Минаевых, И. А. Гончарова, Д. П. Ознобишина, Д. Н. Садовникова, других именитых уроженцев края, а также при поддержке ревнителей просвещения обеих столиц, других городов и весей, Карамзинская библиотека стала одним из крупнейших книгохранилищ провинциальной России.

Славная история симбирской "публички" рассматривалась в исторических записках, вышедших еще в прошлом столетии. Первая из них, принадлежащая перу библиотекаря И. И. Благодарова, вошла в сборник "Симбирский юбилей Н. М. Карамзина" (Симбирск, 1867). Автором второй, под названием "Пятидесятилетнее существование Симбирской общественной библиотеки" (Симбирск, 1898), был директор мужской гимназии Е. С. Котовщиков.

Обе записки содержат большой фактический материал и не потеряли научной ценности в наше время. Однако они давно стали библиографической редкостью. К тому же авторы, опиравшиеся только на местные архивы, не ведали о некоторых важных аспектах темы, например, о первоначальном замысле создания библиотеки в память Н. М. Карамзина, родившимся в семьях Ивашевых и Языковых еще в 1833 году. Вкрались в записки и ошибочные суждения в оценке деятельности некоторых членов комитета библиотеки, а также некоторые ошибки и неточности.

В предлагаемом документальном очерке учтено все ценное и достоверное, содержащееся в трудах И. Благодарова и Е. Котовщикова, а также статьях опытнейших библиотекарей М. Г. Медведевой[1], Н. И. Никитиной[2], других краеведов. Основу же очерка составляют собственные разыскания автора, проведенные в библиотеках, архивах и музеях Ульяновска, Москвы и Ленинграда. Впервые в литературе повествование о библиотеке иллюстрируется портретами большинства деятелей, чьи имена тесно связаны с ее историей, снимками Дворянского собрания, где она нашла себе прибежище, а также интерьера новейшего мемориального музея "Карамзинская общественная библиотека".

---

1 Красный библиотекарь, 1932, № 10, с 29—30.

2 Волга, 1981, № 4, с.111—117.

ИСТОКИ
(1830—1848 гг.)

Весной 1830 года президент Вольного экономического общества адмирал Н. С. Мордвинов (единственный из членов Верховного уголовного суда, отказавшийся подписать смертный приговор декабристам) в обращении к министру внутренних дел высказался за учреждение в губернских центрах публичных библиотек, которые могут содействовать "народному просвещению, а вместе с ним народной земледельческой промышленности, усовершенствованию общежительности и взаимного народного богатства", и в то же время станут памятниками "счастливого и благодетельного царствования...".

Министр А. А. Закревский признал эту идею полезной и предложил всем губернаторам вместе с предводителями дворянства, директорами гимназий и руководителями других учебных заведений, а также "любителями полезных знаний из дворян и купечества" определить помещения для библиотек и порядок пользования оными.

Когда эта благая весть стала известна поэту Николаю Михайловичу Языкову, проживавшему в то время в Москве, то он, с присущим ему одушевлением, сообщил своему брату Александру в Симбирск: "Чуть было не забыл сказать тебе самую важную новость не только для нас – для России, не только для России — для всего человечества! В провинциях заводятся от правительства публичные библиотеки по предложению Мордвинова"[1]..

Оптимизм Николая Михайловича выглядел наивным на фоне бюрократии николаевской эпохи. Симбирскому губернатору понадобился почти год на то, чтобы официально предложить предводителю дворянства князю М. П. Баратаеву доставить свои соображения о "заведении в г. Симбирске публичной библиотеки для чтения". Известный своей просвещенностью князь уведомил, что комната для библиотеки может быть выделена в доме Дворянского собрания, а необходимые средства придется добывать с помощью сбора пожертвований.

Эпидемия холеры, а также "война с польскими мятежниками" заслонили многие дела и уж конечно — такое "неспешное", как устройство публичных библиотек. В Симбирске к тому же произошла смена власти, и новому губернатору Александру Михайловичу Загряжскому (двоюродному дяде жены А. С. Пушкина) понадобилось время, чтобы выяснить мнение дворянства в связи с различными планами относительно местной библиотеки.

---

1 Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л., 1978, с.160.

Дело в том, что в апреле 1833 года генерал-майор в отставке Петр Никифорович Ивашев (отец декабриста), братья Николай, Петр и Александр Михайловичи Языковы, состоявшие, кстати, в родстве с Ивашевыми (Петр был женат на Елизавете, сестре декабриста), а также их родственники: князь Ю. А. Хованский — тоже зять П. Ивашева, отставной штабс-ротмистр П. А. Бестужев и капитан-лейтенант А. Д. Валуев — свояки братьев Языковых, убедившись в том, что выдвинутая правительством идея о публичных библиотеках тонет в бюрократической тине, решили увязать ее воедино с сооружением памятника Николаю Михайловичу Карамзину.

Николай Языков, переселившийся из Москвы в родовое имение Языково Симбирского уезда, в письме к петербургскому приятелю В. Д. Комовскому так обрисовал идею симбирян: "Здесь уже собрана довольно значительная сумма (в первые два дня более 6 тысяч), образован комитет — и дело идет живо... Здешние желают, чтоб оный памятник состоял из здания, в коем поместилась бы статуя Историографа и публичная библиотека для чтения — обо всем этом губернатором будет представлено министру внутренних дел — а вы поторапливайте и своего (начальника Главного управления цензуры.— *Ж.Т.*) — он теперь в духе"[1].

Об этом замысле еще более подробно говорится в письме П. Н. Ивашева сыну Владимиру Петровичу, томившемуся в Сибири: "некоторые из дворян согласились просить дозволение Государя воздвигнуть памятник Н. М. Карамзину. Просьба милостиво принята... Академии поручено составить проекты приличного памятника. Мы согласились всеподданнейше просить через Министра устроить дом для помещения библиотеки всех полезных изданий на российском языке для общественной пользы, а в главной зале поместить мраморный бюст на пьедестале, заключающем все его творения. Такой памятник более и полезнее других будет существовать и послужит украшением города общею занимательностью и для постороннего лица"[2].

Идею памятника-библиотеки поддержало в общей сложности 38 дворян, участвовавших в работе губернского съезда. Стремясь придать общероссийский характер увековечению памяти Карамзина, "великого бытописателя", оказавшего "своими творениями столь решительное, прочное и благодетельное влияние на просвещение любезного Отечества нашего", они попросили губернатора Загряжского исходатайствовать в Петербурге разрешение о проведении в стране подписки на сооружение памятника Историографу.

Губернатор направил это ходатайство министру внутренних дел вместе с проектом памятника, составленного симбирским губернским архитектором И. Лизогубом. Из обнаруженных мною в Ленинграде чертежей видно, что наш земляк-зодчий спроектировал его в виде оригинального ансамбля из трех зданий. Левое — гимназический пансион, правое — квартира смотрителя. Оба они — скромные двух-

---

1 Литературное наследство. М., 1935. Т. 19—21, с. 100—101.
2 ГПБ СССР им. В. И. Ленина, отд. рукописей, ф.112, М.5785, л.124.

этажные каменные дома. Что же касается центрального здания, тоже двухэтажного, но увенчанного довольно большим куполом, то оно спроектировано подстать лучшим постройкам Симбирска 1830-х годов, сооруженным в классическом коринфском стиле по проекту выдающегося зодчего М. П. Коринфского. В верхнем этаже предполагалось разместить библиотеку, комнаты для чтения, а в центральном двусветном зале установить монумент Карамзину. Словом, проект главного здания ансамбля — это проект Карамзинской общественной библиотеки, главную залу которой украшал бы бюст Историографа.

Широкая общественность узнала о начавшемся сборе средств из заметки, появившейся 21 июля 1833 года в петербургской "Северной пчеле". Там говорилось, что на обеде, данном видными литераторами в честь поэта и баснописца Ивана Ивановича Дмитриева, земляка и друга Н. М. Карамзина, состоялась подписка на памятник Историографу в Симбирске. Желая делом подать пример, И. И. Дмитриев пожертвовал 500 рублей, саксонский посланник К. А. Люцероде — 300, князь П. А. Вяземский — 100, граф Д. Н. Хвостов — 50, А. С. Пушкин, И. А. Крылов, П. А. Плетнев, Д. В. Давыдов — по 25 рублей. Всего же участники обеда подписались на 4525 рублей.

Исходя из благородных побуждений, щедро жертвовали симбирские просветители. Генерал П. Ивашев внес 300 рублей, его зять Ю. Хованский — 500, братья Языковы — 1250, их свояки П. Бестужев — 200 и А. Валуев — 50 рублей. Из других доброхотов большие суммы выделили: П. Бабкин — 500, А. Столыпин и А. Тургенев — по 300, братья Бестужевы — 460, А. Татаринов, П. Пазухин и Г. Нейков — по 200 рублей.

В разгар этой кампании, в сентябре того же года, А. С. Пушкин, собиравший материалы для "Истории Пугачева", останавливался в Симбирске у губернатора. Надо полагать, что поэт, как вкладчик, поинтересовался у Загряжского, в каком именно месте предположено воздвигнуть памятник-библиотеку, и воочию его увидел. Ведь губернаторский дом находился поблизости от спроектированного архитектурного ансамбля в честь Карамзина, который, по первоначальным наметкам, должен был выходить фасадом на Спасскую (ныне Советскую) улицу.

Казалось, ничто не могло помешать осуществлению замысла симбирского комитета: сравнительно успешно идет подписка (в адрес комитета к осени 1833 года поступило более 50 тысяч рублей) проект памятника-библиотеки одобряется губернатором, в Академии художеств объявлен конкурс на создание монумента. Увы, этому проекту не суждено было сбыться. Первым, вольно или невольно, внес в дело сумятицу предводитель дворянства князь М. П. Баратаев. Как бы наперекор губернатору, с которым у него сложились неприязненные отношения, и вместе с тем пренебрегая замыслом комитета (в него он не входил, так как долгое время находился вдалеке от Симбирска), Баратаев 6 марта 1834 года в письме к министру внутренних дел Д. Н. Блудову заявил, что желает, "чтобы памятник Карамзину на его родине был учреждением учебного заведения для воспитания и

образования юношества, соединяясь с открывающимся ныне пансионом при гимназии"[1]. Министр не спешил с ответом. Конфликт же между Баратаевым и губернатором Загряжским завершился отъездом последнего в 1835 году из Симбирска.

На запрос нового губернатора И. С. Жиркевича министру, как именно будет увековечено имя Карамзина, Блудов, словно не ведая о желании симбирского комитета создать памятник-библиотеку, сообщил 5 ноября 1835 года, что "Высочайшее соизволение последовало лишь на сооружение памятника Карамзину...".

А в августе 1836 года, во время пребывания в Симбирске, Николай I отдал распоряжение о сносе зданий, прилегающих к губернаторской резиденции, и создании здесь приличной площади. Здесь через девять лет и был воздвигнут памятник Карамзину с надписью под его бюстом: "Н. М. Карамзину, историку Российского государства, повелением императора Николая I-го. 1844 год". На этот монумент ушли все деньги, собранные на Карамзинскую публичную библиотеку.

Трудно сказать, почему авторы записок по истории Карамзинской общественной библиотеки, изданных в 1867 и 1898 годах[2], ни единым словом не обмолвились о попытках симбирских просветителей создать в городе публичную библиотеку в память о Карамзине.

Минуя эту страницу истории, они упоминают о предложении адмирала Н. С. Мордвинова (1830 года), а затем сразу переходят к 1834 году, когда повелением царя губернские публичные библиотеки были переданы из министерства внутренних дел в министерство народного просвещения. Глава последнего граф С. С. Уваров ежегодно требовал от начальника Симбирской губернии сведения об образовании публичной библиотеки, но только в 1838 году и.д. губернатора Н. Н. Комаров донес Уварову, что "предшественники его сносились с губернскими предводителями дворянства о средствах к открытию публичной библиотеки, но переписка, по разным обстоятельствам, не оказала успеха, а потом дело откладывалось то до выборов, то до других каких-либо случаев..."[3].

Стремясь продемонстрировать свое стремление выполнить "волю правительства", Комаров заявил министру, что "на первый раз губернскую библиотеку открыть можно в казенном губернаторском доме, в комнатах, где теперь находится губенский музеум". Ис-просив разрешение министра на открытие подписки для устройства шкафов и выписку книг, губернатор подчеркнул, что уже отдал распоряжение

1 ЦГИА СССР, ф.1284, оп.18, д.51, л.132, 192.
2 См. "Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина. 1 декабря 1766—1866 года". Симбирск, 1867; (Котовщиков Е. С.). Пятидесятилетнее существование Симбирской Карамзинской общественной библиотеки. 18 апреля 1848—1898 года. Симбирск, 1898.
3 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.223.

о доставке ему "тех книг, кои пожертвованы уже в библиотеку некоторыми местами и лицами"[1].

Вскоре после получения разрешения министра губернский и уездный предводители дворянства решили открыть новую подписку на библиотеку (но уже без упоминания имени Карамзина), а комнаты для этой библиотеки предусмотреть в строящемся доме Дворянского собрания. Но подписка позорно провалилась. Только четверо из всех дворян сделали пожертвования: полковник Сабанин — 10 рублей, поручик Бестужев — 50, штабс-капитан Ребровский — 25 и подпоручик Гафидов — 10 рублей, всего 95 рублей ассигнациями, что немногим более 30 рублей серебром. Конечно, сказалось и то, что в 1838 году скончался инициатор первой подписки генерал П. Н. Ивашев, а его ближайшие соратники Языковы тоже отошли от общественной жизни Симбирска: тяжело больной поэт Николай Михайлович уехал на лечение за границу, а его брат Александр после женитьбы жил в Уфе.

И все-таки, по заведенному еще в 1830 году порядку, пожертвования книгами и журналами для Симбирской библиотеки поступали в канцелярию губернатора. Это были издания Вольного экономического общества, журналы министерства народного просвещения и министерства внутренних дел, "Коммерческая газета" министерства финансов, сборники московского "Общества сельского хозяйства". По нескольку экземпляров своих трудов прислали в Симбирск (как и во все губернские библиотеки) литераторы М. П. Погодин, Н. А. Полевой и Н. И. Греч.

Этот "ученый капитал" не имел постоянного пристанища и кочевал по ведомствам, пока не попал в строительную комиссию. Переходя из рук в руки, он крепко пострадал: "из собранных с 1830 по 1844 год книг и журналов большая часть была утрачена"[2]. Свет в конце туннеля забрезжил только в 1845 году, когда на Новом венце, напротив губернаторского дома, невдалеке от Карамзинской площади с установленным памятником Историографу, городской управы, губернской гимназии и Соборной площади, по проекту академика Ивана Адольфовича Бензсмана вырос великолепный двухэтажный дом Дворянского собрания. В левом крыле нижнего этажа, с входом со стороны губернаторской резиденции, было приготовлено помещение для публичной библиотеки.

Губернский предводитель дворянства М. М. Наумов, сообщая в феврале 1846 года министру народного просвещения о желании дворян устроить в честь Карамзина библиотеку "из книг преимущественно до России касающихся и из древних рукописей", указал, что она будет открытой "для всех классов без платы за пользование книгами", а средства, необходимые для устройства и поддержания библиотеки, предоставит дворянство[3].

В июне министр разрешил учреждение библиотеки, а в конце октября 1846 года в Симбирск поступило сообщение и о том, что им-

1 Там же.
2 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.226.
3 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.227.

ператор изъявил согласие на наименование публичной библиотеки "Карамзинской" и без изменений возвратил ее Устав, разработанный под руководством М. М. Наумова.

Когда эти новости дошли до поэта Николая Языкова, боровшегося в Москве со своими тяжкими недугами, он все-таки нашел силы, чтобы внимательно вникнуть в дела земляков и обратиться к редактору журнала "Москвитянин" М. П. Погодину с просьбой привлечь внимание литераторов страны: "Не можешь ли ты провозгласить в "Москвитянине" и даже в "Московских ведомостях" о Карамзинской библиотеке, открываемой в Симбирске? Провозгласить и пригласить русских писателей жертвовать в нее свои сочинения? Книги, которые ты жертвуешь, благоволи прислать ко мне: брат (Петр Михайлович.— *Ж.Т.*) отправит их в Симбирск с своим обозом. М. А. Дмитриев (поэт, критик, мемуарист, симбирянин по рождению — *Ж. Т.*) подарил бюст Карамзина"[1].

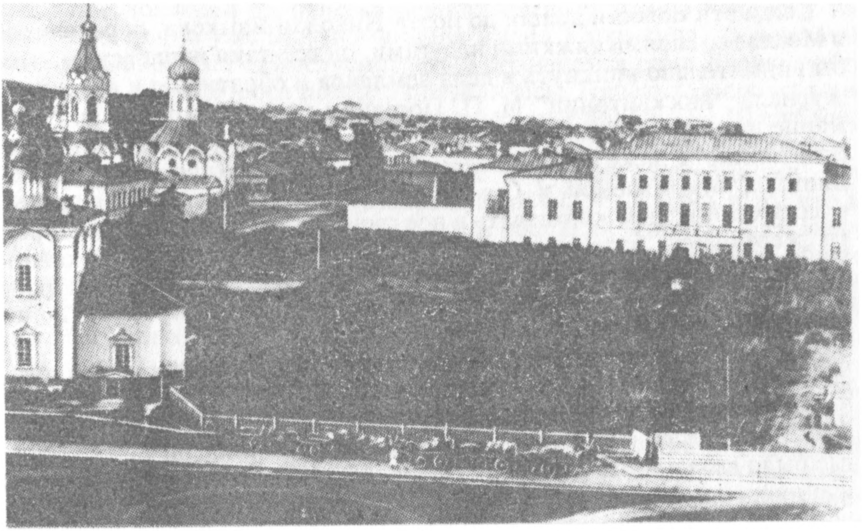
Через 18 дней после написания этого письма, 26 декабря 1846 года, сердце Николая Михайловича остановилось, но последняя его воля была выполнена Погодиным неукоснительно. В "Московских ведомостях" появилась пространная заметка о Карамзинской библиотеке, где было сказано немало теплых слов, и о замечательном поэте-волжанине, как о человеке, который "страстно любя отечество, в нем особенно любил свою родину, который всегда ее помнил и так часто воспевал в своих стихах. Это был Языков,— говорилось далее в заметке,— которого недавно мы лишились. Он не остался при одном сочувствии. Он тотчас послал в Симбирск до 20 русских сочинений, составляющих около 50 томов, нарочно им купленных для учреждаемой библиотеки... Библиотека покойного Н. М. Языкова, помещенная частью здесь (В Москве.— *Ж. Т.*), частью в его симбирском имении, простирается по крайней мере до 5000 томов. Так частная библиотека должна положить основание Карамзинской общественной библиотеке в Симбирске".

В заметке подчеркивалось, что в фонды нового книгохранилища войдут и старинные рукописи: "Частные архивы симбирских владельцев, переходя в библиотеку, будут обеспечены в сохранности, сделаются доступными любознательным исследователям нашей древности и откроют новый богатый источник для исследований по русской истории. Для каждого симбиряка участие в учреждаемой библиотеке будет только выражением его привязанности к Родине, чтоб русское образование самобытно развивалось во всех концах России"[2].

Горячий призыв маститого историка и литератора был услышан во многих местах страны, и, с понятным воодушевлением, в Симбирском крае. Петр и Александр Михайловичи Языковы готовы были в любую минуту выполнить волю брата-поэта о передаче в общественное пользование его богатейшего собрания книг и журналов. Языковы уже не мыслили жизни без участия в делах Карамзинской библиотеки.

---

1 Языков Н. М. Свободомыслящая лира. М., 1982, с.326.
2 Московские ведомости, 1847, N 35.

Дворянское собрание. Вид со стороны Соборной площади. 1880 е гг.

Карамзинская библиотека. 1980-е гг.

СТАНОВЛЕНИЕ И КАТАСТРОФА (1848—1864 гг.)

Кончина и похороны Н. М. Языкова задержали в Москве на какое-то время главных участников подготовки открытия Карамзинской общественной библиотеки. Лишь в конце зимы, в соответствии с §6 Устава библиотеки, "по приглашению" симбирского губернатора и предводителя дворянства был создан комитет библиотеки из 12 действительных членов. Каждый из них брал на себя обязательство вносить ежегодно не менее десяти рублей. Александр и Петр Михайловичи Языковы связали свое членство со 100-рублевым ежегодным взносом, а их родственники А. И. Ермолов и князь Ю. С. Хованский пожелали давать по 30—50 рублей[1].

На первом же заседании комитета библиотеки, состоявшемся 20 апреля 1847 года, его председателем был избран Петр Михайлович Языков. Это был человек энергичный и энциклопедически образованный. После окончания с золотой медалью Петербургского горного корпуса он имел все шансы для ученой карьеры. Смерть отца в 1819 году вынудила его вернуться в родовое имение Языково Симбирского уезда. Здесь, как заправский агроном, он создал образцовое хозяйство и даже изобрел "машину для обделывания овса". Во время холерной эпидемии 1831 года сам лечил крестьян. Много помогал брату-поэту Николаю Михайловичу в записи по селам народных песен, создании прекрасной домашней библиотеки и составлении коллекции древних рукописей. Если учесть, что Петр Михайлович проявлял трогательную заботу о томящемся в Сибири декабристе В. П. Ивашеве, брате своей жены, щедро жертвовал на общественные нужды, выступал за создание в Симбирске публичной библиотеки и музея, то можно понять, почему А. С. Пушкин, побыв с ним один вечер в Языкове, утром 12 сентября 1833 года с удовлетворением сообщил жене: "Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного, которого готов полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина"[2].

В последующие полтора десятилетия Петр Михайлович с большим увлечением занимался геологией, минералогией, палеонтологией и создал чуть ли не лучшие в Европе коллекции минералов и окаменелостей. Непреходящее научное значение имела составленная им "Таблица почв Симбирской губернии", а также записки с краткой историей городов родного края. После же опубликования в столичных журналах трех десятков своих трудов П. М. Языков как ученый приобрел европейскую известность[3].

Благодаря личному примеру Петра Михайловича, его брата Алек-

---

1 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.232.
2 Пушкин А. С. Полн.собр.соч. в 10 томах. Л., 1979. Т. Х. с.348.
3 Симбирские губернские ведомости, 1863, 12 января.

сандра Михайловича, других родственников и близких знакомых дворянство губернии приняло довольно активное участие в подписке на обзаведение Карамзинской библиотеки: 42 человека обязалось ежегодно уплачивать взносы, 36 сделали единовременное пожертвование. Всего на этот раз подписка дала 1137 руб. 84 коп.[1].

Задавшись целью приурочить торжественное открытие библиотеки ко дню рождения Историографа — 1 декабря, Петр Михайлович сам наблюдал за отделкой комнат в новом доме Дворянского собрания, изготовлением добротных и изящных шкафов и мебели, писал многочисленные письма в ученые и литературные общества обеих столиц, к редакторам газет и журналов, к личным знакомым с убедительными просьбами о поддержке Карамзинской библиотеки. Он же лично благодарил каждого доброхота и отправлял их сводные списки в "Московские ведомости" для публикации. Не считаясь со временем, Петр Михайлович вникал в разборку поступающих книг, журналов, газет, старинных рукописей и летописей, составление хронологического и фундаментального каталогов, крепление живописных полотен, а также установку бюстов Н. М. Карамзина и "главного жертвователя и, можно сказать, основателя библиотеки" (как отмечалось в некрологе) покойного своего брата Николая Михайловича Языкова.

Немало трудов положил Петр Михайлович на взыскание "недоимок" с тех лиц, которые приняли на себя звание члена Карамзин-ской библиотеки, подписавшись на ее поддержание. Каких хлопот это стоило, можно судить по переписке председателя комитета с А. Н. Анненковым, который весной 1847 года обязался внести 100 рублей серебром и к 10 мая следующего года все еще не прислал их. Петр Михайлович вежливо напомнил об этом, но ответа не последовало. Тогда, во втором письме, он с иронией выразил уверен-ность, что "должник" не последует дворянской поговорке: "когда захочу, тогда заплачу".

На этот раз А. Н. Анненков выслал деньги, но в сопроводитель-ном послании едко заметил П. М. Языкову: "Сожалею, что не получил подобного письма лет 20 тому назад; я бы ответил на него иначе, а теперь ограничусь тем, милостивый государь, что я никогда не привыкну к подобным любезностям... За лучшее считаю прекратить все личные между нами сношения"[2]. Большинство же сгоряча подписавшихся "недоимщиков" предпочитали вообще отмалчиваться...

Из-за нехватки средств намеченное на 1 декабря 1847 года открытие библиотеки не состоялось. Но материальная база библиотеки, во многом благодаря энергичной деятельности Петра Михайловича Языкова, все же была создана. Ко дню рождения Н. М. Карамзина было собрано более 4000 томов в 2000 названиях, причем не только на русском языке. Основу же этого книжного богатства составила библиотека Николая Михайловича Языкова, пожертвованная, по его желанию, братьями и состоявшая из 2325 то-

---

1 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.233.

2 Пятидесятилетнее существование, с.14.

мов, каждый из которых был облюбован покойным поэтом в лучших книжных магазинах Дерпта, Петербурга, Москвы, Германии и Италии.

Кроме того, Елизавета Петровна, жена Петра Михайловича, пожертвовала 372 тома, Александр Михайлович Языков — 49 томов, а их родные, наследники генерал-майора П. Н. Ивашева — 546. По просьбе Петра Михайловича прислали литературу уроженцы и землевладельцы Симбирской губернии: вдова Н. М. Карамзина, Екатерина Андреевна (22 тома сочинений своего мужа), М. А. Дмитриев (произведения своего дяди-баснописца вместе с собственными сочинениями), князь М. П. Баратаев, И. Н. Скобелев, Н. В. Сушков, Д. В. Давыдов, Д. А. Валуев, С. Т. и К. С. Аксаковы, В. А. Панов, Ю. Ф. Самарин, А. В. Бестужев, И. А. Гончаров, М. А. Оболенский. В числе первых жертвователей оказались губернский предводитель дворянства Н. Т. Аксаков (125 томов), академик М. П. Погодин (92 тома), помещик И. С. Кротков (36 томов), Санкт-Петербургское вольное экономическое общество (161 том), Археологическая комиссия (22 тома), Московское общество сельского хозяйства (14 томов) и другие[1].

Вследствие ходатайства симбирского губернатора Н. М. Булдакова император Николай I соизволил "отпускать безденежно в Карамзинскую общественную библиотеку все книги юридического содержания", изданные III отделением его канцелярии.

К весне 1848 года все было готово для открытия библиотеки: отведенные для нее в нижнем этаже Дворянского собрания две залы обставлены необходимой мебелью и двухъярусными со стеклами шкафами.

В первой, большой, зале размещались книги на русском языке и за перегородкой — произведения уроженцев Симбирской губернии. Украшением залы стали бюсты Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, пожертвованные племянником последнего М. А. Дмитриевым. Во второй зале стояли шкафы с литературой на иностранных языках.

В воскресенье 18 апреля 1848 года состоялось торжественное открытие Карамзинской общественной библиотеки. Началось оно с молебствия, совершенного в присутствии губернского начальства и многочисленных гостей в великолепной двусветной бальной зале. После водоосвящения залов книгохранилища произошло публичное заседание комитета библиотеки, завершившееся по обычаю обильным застольем и щедрой подпиской, давшей 1251 рубль[2].

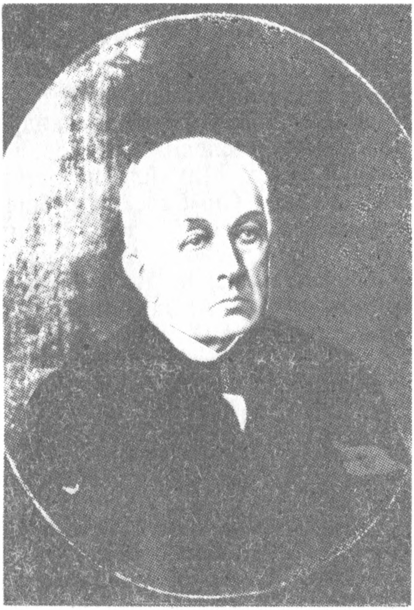
Начало работы библиотеки оказалось весьма скромным: за первые полтора месяца книги на дом получили 13 человек, а в зале было 388 посещений для чтения газет, журналов и книг. Но постепенно под председательством П. М. Языкова дела пошли в гору: за три года количество книг возросло до 5038 томов, а число читателй достигло 380. К сожалению, тяжкая болезнь 17 июня 1851 года сразила 53-летнего Петра Михайловича и он был погребен в родовом склепе села Языково Симбирского уезда. После ухода из жизни, говоря словами

---

1 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.235—236.
2 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.237, 239.

Языков П. М.

Языков А. М.

Н. А. Языков

Ивашев П. Н.

старожила, "главного деятеля и души нового учреждения" дела его "пришли в замешательство и застой, и быстро развернувшийся цветок едва не завял окончательно"[1].

Да, несмотря на то, что попечителями Карамзинской библиотеки значились начальник губернии и предводитель дворянства, а в комитете кроме Языкова состояло еще 11 членов, для нее наступили поистине черные дни. Только 18 декабря был избран исправляющий должность председателя комитета А. Н. Анненков (тот самый, который чуть было не вызвал на дуэль П. М. Языкова), но он почти не вникал в дела и библиотека для публики большей частью оставалась закрытой. 13 февраля 1853 года комитет возглавил А. Н. Татаринов, человек просвещенный, но и он, передавая в следующем году эстафету Н. А. Сабанину, заявил: "... вполне убедившись, что Карамзинская общественная библиотека... не может приносить никакой существенной пользы, я полагаю, что всего лучше было бы передать ее в непосредственное распоряжение Министерства народного просвещения"[2].

Упадок в работе происходил во многом из-за нерадивости библиотекарей. Первый из них, некий Садовников, "человек ученый", оказался неумеренно пьющим. Сменивший его учитель уездного училища П. Морилов часто болел, а занявший его место в 1852 году выпускник Московского университета Раксимович оказался нерадивым.

Второе дыхание библиотека получила после 3 декабря 1855 года, когда библиотекарем стал 30-летний преподаватель истории духовный семинарии Иван Иванович Благодаров[3]. Этот выпускник Казанской духовной академии, со степенью кандидата наук, оказался разносторонне образованным человеком, а главное — на редкость добросовестным и кристально честным тружеником. В короткий срок — уже в феврале 1856 года — Благодаров составил систематический каталог книг на русском, французском и немецком языках, внеся туда все 6373 тома, имевшиеся в фонде. Наладилась регулярная выдача литературы на дом и работа читального зала. Но в целом положение библиотеки было печальным и главным образом из-за непоступления от дворян денежных взносов.

"В этот бесцветный период жизни Карамзинской библиотеки,— говорилось в исторической записке 1866 года,— кроме председателя (Н. А. Сабанина.— *Ж. Т.*) и библиотекаря видно только одно еще лицо, которое к сердцу принимало такое безотрадное положение библиотеки и заботилось доставлять в библиотеку что-нибудь новое из журналов и сочинений. Это лицо — член комитета А. М. Языков; он каждогодно, сверх подписной платы по званию члена, доставлял в библиотеку книг на сумму от 100 до 200 руб."[4]. Так, в 1857 году Александр Михайлович пожертвовал 69 томов, в 1858—48, в 1859—36, в 1860—48 и в 1861 году 50 томов[5].

1 Там же, с.239.
2 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.240.
3 ГАУО, ф.81, оп.1, д.138, л.2—3.
4 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.241.
5 Симбирские губернские ведомости, 1862, 21 апреля.

При его активном участии распространялось по стране письмо-обращение комитета Карамзинской библиотеки ко многим редакторам и издателям с просьбой о безвозмездной присылке своих изданий. А в 1859 году в N 24 "Московских ведомостей" появился краткий отчет Карамзинской библиотеки. В ответ на обращение, в знак уважения памяти Историографа, редакции 21 газеты и журнала высылали в Симбирск свои издания безденежно, а 2 — за половинную цену. Наконец, в этом же 1859 году Александр Михайлович доставил родной библиотеке 400 рублей, переданные ему родственником Д. Н. Свербеевым, а через год — еще 482 руб. 32 коп., поступивших от почитателей брата-поэта Николая Михайловича[1].

Памятным для библиотеки стал 1861 год. 15 и 17 февраля силами любителей был поставлен "благородный спектакль", принесший 1000 рублей серебром. Кроме того, из числа подписавшихся на ежегодные взносы пожертвовали: Василий Языков (сын Петра Михайловича) — 350, Ю. С. Хованский — 450, П. А. Бестужев — 250 рублей (оба — родственники братьев Языковых). Эти поступления позволили комитету библиотеки выписать около 80 названий новейших изданий, а также изготовить два шкафа. Впервые библиотека к концу года имела остаток в 2338 руб. 13 коп.[2].

Какое-то воздействие на успешное поступление "недоимок" в Карамзинскую библиотеку сыграл фельетон "Дневник темного человека" Д. Д. Минаева, напечатанный в июньском номере журнала "Русское слово". Поэт-сатирик, припомнив, очевидно, годы своей юности в Симбирске, пришедшиеся на Крымскую войну, когда общественная библиотека родного города не имела никаких средств "для своего улучшения и пополнения", Дмитрий Минаев задается вопросом: кто же пользуется ее книгами? И сам отвечает цитатой из отчета Карамзинской библиотеки за 1860 год: "читатели бывают из сословий духовного, купеческого, мещанского, из бедных служащих чиновников, а преимущественно из учителей и воспитанников семинарии, гимназии и их чиновников." Таким образом, заключает сатирик," из дворян не бывает ни одного читателя".

Полагая, что "симбирским Фамусовым" не до книг — "времени на такие занятия не достает", Минаев рисует картину времяпровождения "класса высшего":

Нынче — травля славная,
Завтра — скачка тройками;
То обед, где главное —
Угостить настойками.
То к родне отправишься,
С дворнею — мучение...
Ясно, что умаешься,—
Тут уж не до чтения.

У Дмитрия Дмитриевича, потомственного дворянина, были свои счеты с "симбирскими Фамусовыми", но он, как говорится, перегнул

---

1 Симбирские губернские ведомости, 1862, 21 апреля.
2 Пятидесятилетнее существование, с.37, 40.

палку, обвинив весь "класс высший" в равнодушном отношении к нуждам Карамзинской библиотеки. Но фельетон несомненно напугал тех дворян, которые когда-то подписались на ежегодные взносы в пользу своей публички, и они поспешили внести 1200 рублей "недоимок". Усилиями председателей Н. А. Сабанина и сменившего его Василия Петровича Языкова комитет был укомплектован членами "с правильным ежегодным взносом". Все это позволило отделить 2000 рублей в запасной капитал библиотеки и обратить их в билеты с 5%-ным доходом в год[1].

Весомым вкладом для фондов библиотеки стало очередное пожертвование "натурой" Александра Михайловича Языкова: трехтомный "Энциклопедический словарь", томики сочинений В. Белинского, А. Плещеева, А. Хомякова, И. Шиллера, "Собрание романов в переводе с иностранных языков на русский за 1861 год", комплекты "Отечественных записок", "Санкт-Петербургских ведомостей", "Книжного вестника", "Вестника промышленности", а также новинки из различных областей науки: "Чудеса древнего и нового мира", "Политическая экономия настоящего и будущего", "Курс истории поэзии" Линниченко, "Важнейшие открытия и изобретения" Фигье и другие[2].

Председателем комитета 1 декабря 1861 года был избран Василий Петрович Языков, почетными членами Александр Михайлович Языков, Прасковья и Александра Ивановны Языковы, А. П. Языков. Так, после десятилетнего перерыва руководство комитетом вновь на многие годы перешло к роду Языковых. Кстати, в следующем году комитет пополнился сыном Александра Михайловича — Николаем Языковым, а также учителем русского языка и словесности гимназии Николаем Александровичем Гончаровым — братом романиста[3].

Очень удачным для библиотеки стал 1863 год. Братья Василий, Александр и Григорий Языковы пожертвовали в библиотеку 2635 томов (1019 названий) "лучших и редких произведений по части естествоведения, составлявших библиотеку покойного отца их П. М. Языкова"[4]. Теперь книжное богатство Карамзинской библиотеки состояло из 10 953 томов стоимостью не менее 50 тысяч рублей. В этом году "во втором отделении устроены два шкафа во всю величину стен", исправлена вся мебель, стены оклеены обоями. Литератор М. А. Дмитриев и его сын профессор Ф. М. Дмитриев прислали библиотеке свои портреты. Число читателей возросло до 1165 человек, из коих 372 брали книги домой.

Казалось, что Карамзинская библиотека теперь имела прочные основания и можно было не сомневаться в ее дальнейшем процветании. Увы, 19 августа 1864 года, в роковой для Симбирска день, она была уничтожена в пламени грандиозного пожара. Тогда от огня и взрывов погибли почти все лучшие здания центральной части города: великолепный кафедральный собор, дом Дворянского собрания, губернаторский дворец, Спасский женский монастырь, Вознесенский

---

1 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.245.
2 Симбирские губернские ведомости, 1862, 5 мая.
3 Пятидесятилетнее существование, с.41.
4 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.245—246.

собор, корпус присутственных мест, здания городской управы, полиции, почтовой конторы, мужской и женской гимназий, дворянского пансиона, духовной семинарии, комиссариатской комиссии, Гостиный двор, сотни частных усадеб.

В огненном море, разлившемся при страшной буре, сгорели без остатка почти все казенные и частные библиотеки. "Такой же участи подверглась и Карамзинская общественная библиотека,— писал В. П. Языков в "Московских ведомостях" (1864, N 220),— несравненно превосходившая прочие как по богатству содержания, так и по той пользе, которую она доставляла. Потеря тем более чувствительная, что в Карамзинской библиотеке были, между прочим, многие редкие сочинения, которые ныне едва ли можно где-либо отыскать...". Вместе с этими реликвиями погибли бюсты Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, Н. М. Языкова и портреты Н. М. Карамзина, М. А. и Ф. М. Дмитриевых, Н. М. и П. М. Языковых, П. А. Кикина, Н. И. и А. И. Тургеневых, В. Н. Соллогуба, И. А. Гончарова, В. Н. Анненковой, Д. В. Давыдова, Д. Н. Озиобишина[1].

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЗ ПЕПЛА (1864—1869 гг.)

По счастливой случайности после пожара все-таки кое-что осталось от фондов Карамзинской библиотеки. Иван Иванович Благодаров до бедствия часть дел из канцелярии принес домой для составления исторического очерка и они, как и несколько книг, взятых им для обработки, уцелели. Сохранилось немного литературы и у читателей, чьи усадьбы не погибли в бушующем огне. Всего же набралось около 80 томов — драгоценная память о былом книжном богатстве и вместе с тем залог его возрождения.

Еще не прошла паника, порожденная огненным кошмаром, а члены комитета под председательством Василия Петровича Языкова 8 сентября клятвенно решили: "восстановить библиотеку на прежних основаниях и в случае успеха освятить это восстановление 1-го декабря 1865 года в день столетнего юбилея рождения Н. М. Карамзина"[2].

Комитет, конечно, рассчитывал и на поддержку общественности страны, и с этой целью председатель повел обширную переписку с учеными лицами и обществами, редакторами газет и журналов, книгопродавцами, городскими управами богатых городов. В то же время Михаил Александрович Дмитриев, как земляк, давно и существенно помогавший своей общественной библиотеке, поместил в "Московских ведомостях" (1864, N 220) статью "О возобновлении Карамзинской библиотеки", призывая просвещенных читателей ока-

---

1 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.246.
2 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.247.

зать содействие в восстановлении Симбирской общественной библиотеки, носящей имя Карамзина.

На это обращение тут же отозвались профессор-историк С. М. Соловьев и академик М. П. Погодин, пожертвовавшие томики своих сочинений. Извещая В. П. Языкова о важном почине, Дмитриев заявил: "Таким образом, сбор книг уже начался. Мои издания и книги моего сына (Федора Михайловича Дмитриева, профессора-юриста Московского университета.— *Ж. Т.*), само собою разуме-ется, будут тоже в числе их. За петербургских не ручаюсь,— продолжал Дмитриев,— однако я хочу написать об этом академику Гроту, который более меня знает тамошних писателей, и, вероятно, не откажет в своем содействии"[1].

При содействии министра народного просвещения А. В. Головнина в благотворительной кампании принял участие Александр II, распорядившийся о высылке в Карамзинскую библиотеку исторических трудов из 2-го отделения своей канцелярии, а его наследники-цесаревичи Николай и Александр, пожертвовали тысячу рублей и 520 томов. А вот министр финансов, к которому по просьбе В. П. Языкова обращался министр Головнин о пособии в пять тысяч рублей на восстановление "полезного учреждения", не признал возможным отпуск из казны этой суммы "по причине затруднительных финансовых обстоятельств"[2].

Приток пожертвований книгами, комплектами периодических изданий и деньгами, естественно, поступал и от местных доброхотов — Александра Михайловича и его племянника Александра Петровича Языковых, от поэтов Дмитрия Петровича Ознобишина и Дмитрия Ивановича Минаева, художника Николая Евстафьевича Симакова — зятя Д. И. Минаева.

"Натурой" жертвовали известные книжные магазины: И. И. Глазунова, Сенковского и К°, Н. А. Серно-Соловьевича. Московский книжный магазин Ушаковых прислал через А. М. Языкова уведомление на 74 руб. 26 коп., вырученные от литературного чтения в пользу Карамзинской библиотеки, с предложением получить на эту сумму необходимые книги[3].

Примечательно, что по решению комитета библиотеки уже с 1 декабря 1864 года, в день рождения Историографа, в квартире библиотекаря И. И. Благодарова началась выдача книг на дом "для любителей просвещения". С 27 апреля 1865 года в доме библиотекаря-энтузиаста возобновил работу и читальный зал[4]. Выбор газет и журналов был сравнительно неплохим: Санкт-Петербургские, Московские и Симбирские "Ведомости", "День", "Северная почта", "Русское слово", "Эпоха", "Отечественные записки", "Современник", "Искра", "Развлечение", "Учитель", "Детское чтение", "Христианское чтение" и другие.

В начале 1866 года библиотека переехала в восстановленный дом Дворянского собрания, а летом окончательно была приведена в

---

1 Пятидесятилетнее существование, с.48.
2 Там же, с.47.
3 Фонды Карамзинской общественной библиотеки. Книга протоколов. 1861—1875 гг., л.27.
4 Симбирские губернские ведомости, 1865, 27 февраля и 15 мая.

порядок. На заседании комитета 17 мая В. П. Языков выступил с кратким отчетом за период с 1 ноября 1864 по 17 мая 1866 года. За это время библиотека получила около 5800 томов и 1433 руб. 44 коп. пожертвований, а запасной капитал составлял три тысячи рублей в процентных бумагах. На этом же заседании произошла смена председателей комитета: Василий Петрович передал свой пост брату Александру Петровичу Языкову.

Для того чтобы обеспечить библиотеке более прочное существование, новый председатель, при поддержке комитета, стремился "образовать запасной неприкосновенный капитал, процентами из коего вместе с ежегодными взносами членов комитета покрывалось бы все содержание библиотеки". Для достижения этой цели комитет 16 июля через министра народного просвещения испросил Высочайшее разрешение "по случаю приближающегося столетнего юбилея Н. М. Карамзина открыть по Империи подписку на составление запасного неприкосновенного капитала Карамзинской библиотеки"[1].

Как только разрешение было получено, комитет разослал 5000 экземпляров воззвания ко всем "правительственным и начальствующим местам" и всем "любителям просвещения" с просьбой о содействии в создании неприкосновенного капитала для упрочения общественной библиотеки-памятника славному соотечественнику. "Неужели в то время, как Германия и Англия, а с ними и вся Европа, праздновали юбилеи Шиллера и Шекспира,— приводились в воззвании слова патриота из заметки в "Московских ведомостях",— мы, русские, не почтим памяти нашего знаменитого гражданина и Историографа достойным его и России образом".

Однако это обращение было разослано слишком поздно, и к юбилею прислать пожертвования успели немногие. В их числе: царская семья — 3500 рублей, Владимир Николаевич Карамзин — 300 рублей и прекрасный портрет своего отца. Вклады всех остальных жертвователей страны составили всего лишь 398 руб. 69 коп., причем большая часть поступила из Симбирской и Петербургской губерний[2].

Торжества по случаю столетия со дня рождения Н. М. Карамзина и воссоздания общественной библиотеки его имени проходили 1 и 2 декабря 1866 года. Начались они в кафедральном соборе, а затем приглашенное общество отправилось в дом Дворянского собрания. В зале библиотеки, после молебствия, А. П. Языков прочитал "Отчет о состоянии Карамзинской библиотеки", в котором кратко изложил ее историю, перечислив при этом главных жертвователей, благодаря которым библиотека теперь имела до 8000 томов книг и журналов на русском, французском, немецком, латинском, греческом, английском, итальянском, еврейском, арабском и санскритском языках.

На обеде, устроенном для избранных приглашенных, присутствовало до 150 человек, в том числе Александр Николаевич Карамзин и профессор Н. И. Булич, проректор Казанского уни-

---

1 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.250.
2 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с.261—262.

верситета, выступивший с биографическим очерком об Историографе. Чтение это проводилось в малом зале Дворянского собрания в течение двух вечеров. В перерывах гимназисты читали отрывки из карамзинских рассуждений "О любви к Отечеству и народной гордости" и "О воспитании", выступали певчие. Преподаватель гимназии Н. А. Гончаров с глубоким чувством продекламировал стихи "На объявление памятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину" Н. М. Языкова, а поэт Д. П. Ознобишин прочел собственное стихотворение, написанное для этого юбилея[1].

Чтобы оставить потомству память об этих юбилейных торжествах, комитет решил издать сборник "Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина. 1 декабря 1766—1866 гг.", в который включались "Биографический очерк Николая Михайловича Карамзина и развитие его литературной деятельности" Н. Н. Булича, "История Карамзинской общественной библиотеки" и "Отчет о состоянии библиотеки", составленные И. И. Благодаровым, материалы, связанные с открытием памятника Карамзину в Симбирске, а также списки "мест и лиц, сделавших пожертвования на Карамзинскую библиотеку".

Торжества, посвященные карамзинскому юбилею, состоялись в Петербурге, Москве, Казани, Киеве, Харькове, Одессе, Дерпте, что способствовало продолжению подписки на капитал для симбирской общественной библиотеки. К 15 апреля 1867 года, к моменту закрытия подписки, она дала Карамзинской библиотеке в общей сложности 6494 руб. 10 1/2 коп. Столь заметное пополнение бюджета позволило комитету увеличить жалованье библиотекарю со 120 до 200 рублей в год, а также ввести должность помощника с жалованьем в 120 рублей. Эти нововведения сказались на продлении часов обслуживания читателей[2].

В том же году комитет заключил соглашение с петербургским книгопродавцом Д. Е. Кожанчиковым о создании при Карамзинской библиотеке склада литературы, за реализацию которой среди симбирян библиотека получала комиссионную плату. Одновременно, "в видах содействия симбирской читающей публике в приобретении для нее журналов, газет и книг без взимания с подписчиков почтовых пошлин за пересылку денег", библиотекарь принимал от горожан заявки подобного рода[3].

Весной 1867 года И. И. Благодаров подготовил к печати "Систематический каталог книгам Карамзинской общественной библиотеки", в котором весь 8-тысячный фонд был представлен 12 основными отделами: богословие, философия и педагогика, история, география, теория словесности, естествознание, медицина и физико-математические науки, юриспруденция, политика, политическая экономия, сельское хозяйство, теория и история художеств, детские книги, учебники и словари. Уже в мае губернская типография отпечатала это важное для читателей пособие в виде книги.

---

1 Пятидесятилетнее существование, с.61

2 Там же, с.59.

3 Симбирские губернские ведомости, 1870, 31 января.

В библиотеку же продолжали поступать пожертвования литературой и деньгами. В. Н. Карамзин прислал книги 50 названий из числа тех, которыми пользовался отец при написании "Истории государства Российского" (на некоторых книгах имелись заметки самого Историографа). Приняв этот драгоценный дар, комитет 24 июня 1867 года обратился к Владимиру Николаевичу и Александру Николаевичу Карамзиным с просьбой принять на себя звание почетных членов комитета Карамзинской библиотеки[1].

Повелением Александра II от 12 июля того же года все публичные библиотеки опять перешли из министерства народного просвещения в министерство внутренних дел и поступали под непосредственное ведение губернаторов. Непременными членами комитетов публичных библиотек становились директора мужских гимназий.

По инициативе А. П. Языкова годичное собрание комитета было проведено в этом году не 18 апреля, а 1 декабря, в день рождения Карамзина. Обосновывая правомерность переноса даты заседания, председатель напоминал, что и в 1847 году открытие библиотеки намечалось на 1 декабря, и только из-за незавершенности необходимых приготовлений оно состоялось 18 апреля следующего, 1848 года. Кроме того, А. П. Языков полагал, что и образование запасного неприкосновенного капитала всецело обязано дате 1 декабря — 100-летнему юбилею со дня рождения Историографа[2].

Кстати, весь этот капитал (12 400 рублей) в 1868 году состоял из пятипроцентных бумаг, которые приносили библиотеке 675 рублей дохода. В том же году ее фонды пополнились значительными пожертвованиями. Александр Петрович Языков сдал в библиотеку несколько старинных фамильных царских грамот и рукописей, а также около двух тысяч книг и журналов. Князь П. А. Вяземский прислал 78 томов, в том числе несколько своих сочинений, а тайный советник Протопопов — комплекты "Московских ведомостей" за 1855—1862 годы. Иван Александрович Гончаров весной 1868 года прислал в дар "Обломова", "Фрегат "Палладу", "Обыкновенную историю", чуть позднее еще два ящика книг и журналов (окло ста томов). По ходатайству земляка-романиста в Карамзинскую библиотеку безвозмездно стал доставляться "Правительственный вестник". Иван Александрович принял предложенное ему комитетом звание почетного члена и впоследствии еще не раз окажет ей неоценимую помощь[3].

Поэт-симбирянин Дмитрий Петрович Ознобишин, издавна заботившийся о публичной библиотеке, в 1868 году передал ей комплекты "С.-Петербургских" и "Самарских" губернских "Ведомостей", "Русского инвалида", "Акционера", "Северной почты", "Северной пчелы" и "Le Nord". Этой же весной член комитета Е. Д. Ниротморцев изготовил за свой счет вызолоченную раму на пожертвованный ранее им же в библиотеку портрет Василия Михайловича Карамзина — своего деда по матери[4].

---

1 Пятидесятилетнее существование, с.66.
2 Пятидесятилетнее существование, с.67.
3 Описание библиотеки И. А. Гончарова. Ульяновск, 1987, с.5.
4 Книга протоколов, л.70.

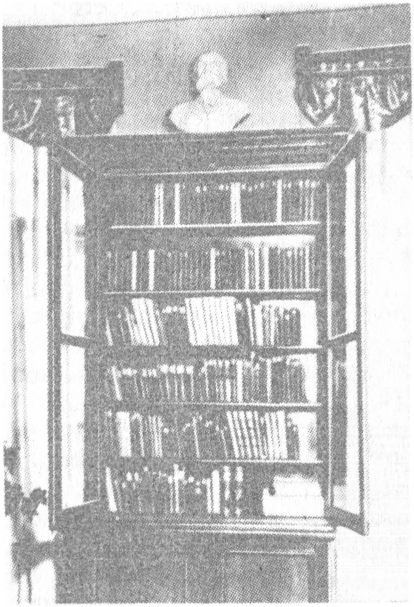
Дмитриев И. И.

И. А. Гончаров

Н. А. Гончаров

Дворец книги им. В. И. Ленина. Отдел редкой книги. Шкаф с книгами И. А. Гончарова. 1980-е гг.

Окрепло за год комиссионерство при библиотеке. И не случайно: в городе ведь не было ни книжных магазинов, ни агентств по подписке на периодические издания. Библиотека полностью устраняла это неудобство: "Кроме продажи книг,— указывалось в отчете за 1868 год,— комиссионерство принимает на себя труд выписывать для всякого желающего какую угодно книгу, кроме запрещенных. Для сей цели оно вошло в сношения с книгопродавцами, в Москве с Глазуновым, в Петербурге с Кожанчиковым, и заключило с ними условие, согласно которому они высылают необходимые книги без всякой платы за пересылку". Комиссионные услуги принесли библиотеке за год 57 руб. 13 коп. дохода[1].

Сама же библиотека получала в 1868 году 37 газет и журналов. Идя навстречу возрастающему интересу горожан к прессе, комитет добился увеличения помещения библиотеки за счет "очень удобной для чтения комнаты". Более приемлемым стало и время работы: вместо субботы теперь библиотека обслуживала читателей по воскресеньям: летом с 12 до 20 часов, а зимою с 12 до 17 часов.

Словом, библиотека медленно, но неуклонно совершенствова-лась, и начальству, скажем, губернскому предводителю дворянства А. И. Ермолову (родственнику семьи Языковых), уже лестно было показывать ее гостям самого высокого ранга. В 1868 году ее удостоили своим посещением великие князья Владимир и Алексей Александровичи.

Во время этих визитов кто-то заметил, что необходимо срочно внести изменения в действующий устав библиотеки 1847 года, ибо он не отражает того, что еще в 1866 году в ответ на обращение комитета наследник престола и его супруга изъявили согласие стать покровителями Карамзинской библиотеки. В новом уставе, утвержденном министром внутренних дел 6 февраля 1869 года, в §1 уже отмечено, что Карамзинская общественная библиотека "имеет счастье состоять под особым покровительством Их Императорских Высочеств Государя Наследника Цесаревича Александра Александровича и Государыни Цесаревны Марии Феодоровны"[2].

Из других изменений следует отметить указание в §8 о том, что член комитета "обязан вносить ежегодно платы не менее 15 рублей". В §19 узаконивалось 1 декабря, день рождения Карамзина, как дата ежегодного публичного заседания комитета. §24 ужесточал порядок выдачи книг на дом: раньше с читателя брался залог "по католожной цене", а теперь по вдвое большей. Новые параграфы 29 и 30 устанавливали, что член комитета, не уплативший два года взносы, исключается из оного; вводилось обязательное утверждение на заседании 1 декабря сметы доходов и расходов на будущий год.

Очень скоро — 20 июля 1869 года — Карамзинскую библиотеку посетили ее высокие покровители в сопровождении великого князя

---

1 Симбирские губернские ведомости, 1869, 25 января.
2 Пятидесятилетнее существование, с.123.

Алексея Александровича. За общественной библиотекой утверждалась репутация одной из достопримечательностей Симбирска.

ВЕСНА БИБЛИОТЕКИ (1869—1879 гг.)

Конец 60-х годов ознаменовался новым подъемом освободительного движения, вызвавшего, в свою очередь, среди передовой интеллигенции и учащейся молодежи стремление к просветительской деятельности. Создание земских школ, общедоступных читален, издание дешевой литературы, проведение литературных вечеров и воскресных чтений для народа — эти начинания нашли сочувственный отклик и у многих членов комитета Карамзинской библиотеки. Избранный в его состав осенью 1869 года отставной губернский секретарь, известный в городе музыкант и издатель Василий Васильевич Черников взялся за создание музыкального отделения при библиотеке. Используя свои связи с редакциями журналов и владельцами магазинов, он приобрел ноты популярных произведений на очень выгодных условиях — со скидкой в 30—35 процентов. Средства для приобретения музыкальной литературы Черников добыл за счет любительского спектакля и сбора пожертвований. Печатание в типографии каталога и изготовление штемпеля общей стоимостью в 50 рублей Василий Васильевич принял на свой счет. И уже летом 1870 года музыкальное отделение выдавало ноты читателям на дом[1].

Заботу об интересах читателей проявил А. П. Языков при переизбрании его в 1870 году на пост председателя комитета. "Библиотека наша,— заявил он,— состоит почти вся из пожертвованных книг ; хотя она очень богата количеством томов, но очень бедна по внутреннему содержанию книг литературного отдела. Литературный отдел и смесь по числу названий составляет почти третью часть всего состава библиотеки (2400) и из этих 2400 названий до 1000 названий состоит из книг прошлого и начала нынешнего столетия, которые никем не требуются; требование же ограничивается 1400 названиями; на эти книги было 13 259, т.е. до 90% всех требований; таким образом, на каждое название приходится до 16 требований в год". Для того чтобы удовлетворить читающую публику, состоящую большей частью из служащих и учащихся, Языков предложил комитету приобретать для литературного отдела "все сочинения, одобренные критикой" (лучше, мол, иметь по два экземпляра) и, кроме того, подписаться на "все журналы по литературной части, а также и на все лучшие газеты"[2].

---

1 Пятидесятилетнее существование, с.73

2 Пятидесятилетнее существование, с.71.

Для осуществления этих благородных намерений требовались солидные средства, которыми комитет не располагал. Решено было самые необходимые новинки подбирать коллективно. В 1870 году таковыми признали книги "Система логики" Д. С. Милля, "Записки" А. П. Ермолова, "Радищев и его книга", "История" Ф. Шлоссера, "Физиология человека" Д. Дрепера, "Сочинения" В. Гете, "Подлиповцы" Ф. Решетникова, Полное собрание сочинений И. Тургенева, "Один в поле не воин" и "Между молотом и наковальней" Ф. Шпильгагена[1].

Со многими членами комитета, особенно с Н. А. Языковым, В. В. Черниковым и Н. А. Гончаровым, тесно общался прибывший осенью 1869 года на должность инспектора народных училищ Симбирской губернии Илья Николаевич Ульянов, имевший личный опыт заведования институтской библиотекой и репутацию "рьяного прогрессиста". Не без его влияния Карамзинская библиотека стала больше приобретать педагогической и детской литературы. В 1870 году, в частности, заказаны исторические, географические и этнографические очерки М. Б. Чистякова (в 10 книгах), "Из жизни природы и людей" А. Н. Бекетова, "Рисунки к стихотворениям Некрасова", "Детское чтение" с начала существования сего журнала" (с 1869 года)[2].

Значительно вырос в 1870 году контингент читателей. Их число, как видно из отчета, было 497 — "против прошлого года более на 98. Читавших в самой библиотеке 830 — против прошлого года более на 289, а всего 1327"[3]. За год в фонды поступило 850 названий в 1498 томах и общее число увеличилось до 13 766 названий в 15 264 томах. Пополнение фонда произошло все-таки в основном за счет пожертвований, поступивших от П. А. Валуева (87 томов), В. А. Прянишникова (168 томов) и родных московского купца-библиофила Семена Дмитриевича Сырейщикова — 823 тома. Это любовно подобранное собрание сочинений лучших отечественных и зарубежных писателей, а также коллекция альманахов и сборников пушкинской поры, периодики XVII—XIX веков Сырейщиковы передали в Симбирск при посредничестве почетного члена Карамзинской библиотеки Александра Михайловича Языкова[4].

Продолжала расти просветительская прослойка комитета библиотеки. В 1870 году его членом стал управляющий удельной конторой действительный статский советник Арсений Федорович Белокрысенко (16 апреля он стал восприемником второго сына Ульяновых — Владимира). Член Литературного фонда России, личный знакомый В. И. Даля и Т. Г. Шевченко, страстный краевед, ревнитель просвещения (вместе с И. Н. Ульяновым он входил в состав губернского училищного совета), обладатель огромной коллекции

---

1 Книга протоколов, л.105.

2 Языков А. Н. Отчет о состоянии Карамзинской библиотеки за 1870 год. Симбирск, 1870, с.2.

3 Симбирские губернские ведомости, 1871, N 18.

4 См. рукопись в отделе редких книг Дворца книги им. В. И. Ленина: "Описание библиотеки С. Д. Сырейщикова". Каталог книг. Сост. С. Ю. Кабакова. Ульяновск, 1990, 157 стр.

старинных рукописей Белокрысенко как только мог способствовал процветанию Карамзинской библиотеки.

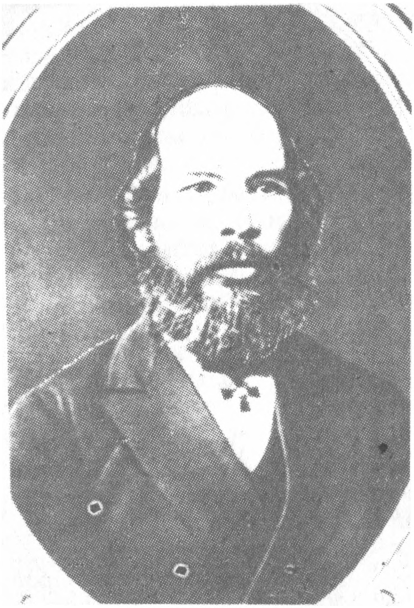
Нравственный климат в комитете заметно улучшился после 1 декабря 1871 года, когда председателем был избран 36-летний Николай Александрович Языков, юрист по образованию, влиятельный земский деятель, председатель симбирского уездного училищного совета. Всесторонне образованный, добродушный, кристально честный и чистый душой, Николай Александрович, по отзыву писателя-симбирянина В. Н. Назарьева, "не на словах, а на деле желал добра своей родине и тотчас же выступал вперед, как только дело было связано с общественной пользой, с пользой народа. Никто более его не сочувствовал развитию народного образования, ссудосберегательных товариществ, процветанию публичной Карамзин-ской библиотеки, водворению правды, искоренению сословных предрассудков и диких проявлений зарождающегося хищничества и отживающего крепостничества"[1].

Общность просветительских интересов Н. А. Языкова, А. Ф. Белокрысенко и близкого им обоим И. Н. Ульянова влияла на работу комитета. Уже 17 февраля 1872 года для Карамзинской библиотеки выписывается педагогический журнал "Семья и школа", причем начиная с 1871 года. Из оставшихся в библиотеке 400 экземпляров сборника "Симбирский юбилей Н. М. Карамзина" 275 экземпляров комитет передал "инспектору народных училищ для доставления во все училищные советы" с последующим награждением этой книгой преуспевающих воспитанников[2]. Не случайно и то, что в то время как И. Н. Ульянов с группой народных учителей готовился к поездке в Москву на Всероссийскую политехническую выставку, комитет выписывает "Вестник Политехнической выставки", "Образование и промышленность", другие издания, связанные с Выставкой[3].

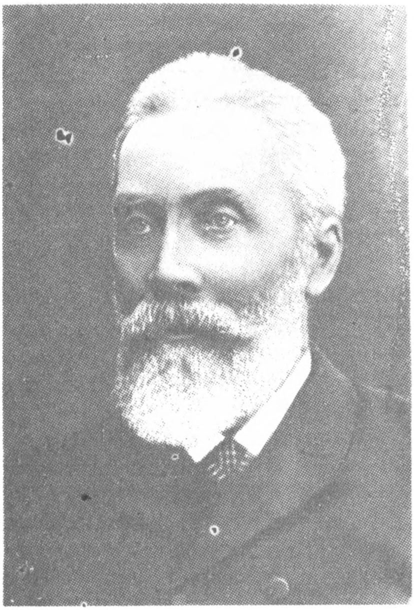
Тяжкой утратой для библиотеки стала преждевременная, на 48-году, скоропостижная смерть библиотекаря Ивана Ивановича Благодарова. Он сыграл выдающуюся роль в двукратном восстановлении библиотеки — в 1855, когда принял ее в плачевном состоянии, и после страшного пожара 1864 года. В память его самозабвенного и бескорыстного труда на благо процветания общественной библиотеки комитет 2 октября 1872 года постановил опубликовать благодарственное слово об И. И. Благодарове, а также отпечатать его на отдельном листе и вывесить в рамке в первой зале Карамзинской библиотеки[4].

Новым библиотекарем был избран преподаватель гражданской истории симбирской духовной семинарии Алексей Прокопьевич Покровский. Горячий поборник просвещения (вместе с И. Н. Ульяновым он побывал на Политехнической выставке в Москве), энергичный и общительный человек, он горячо взялся за дело: за две недели принял фонды и возобновил работу библиотеки. На годичном

1 Симбирская земская газета, 1881, 1 марта.
2 Книга протоколов, л.130.
3 Там же, л.133.
4 Пятидесятилетнее существование, с.77

И. Н. Ульянов. 1880 г.

Назарьев В. Н. 1890-е гг.

Христофоров И. Я. 1880-е гг.

Яковлев И. Я. 1870-е гг.

собрании комитета 1 декабря Покровский выступил с отчетом. На этом заседании присутствовал И. Н. Ульянов; он сделал пожертвование в пользу библиотеки, став, согласно §8 Устава, ее "членом-соревнователем".

Весной 1873 года стараниями Покровского был устроен любительский спектакль, чтобы с его сбора приобрести для Карамзинской библиотеки два роскошных атласа: "Историческая и естественная история" и "Народы России". Вырученные от спектакля 113 рублей Алексей Прокопьевич внес в книжный магазин Юргенса, который доставил бы атласы из Петербурга. Однако большинство членов комитета посчитало, что Покровский не вправе был единолично распоряжаться этими деньгами, и аннулировало его заказ. К этому недоразумению вскоре добавилось еще одно: комитет отказался предоставить Алексею Прокопьевичу отпуск летом и тот, обидевшись, оставил библиотеку. Обязанности библиотекаря, безвозмездно, принял на себя В. В. Черников, добившись, правда, назначения второй помощницы (Н. Николаевой), с жалованьем в 16 рублей в месяц[1].

6 декабря 1873 года комитет снова понес большую утрату: скончался Николай Александрович Гончаров, сделавший за десять лет своего членства немало полезного для общественной библиотеки. Он деятельно участвовал в ее восстановлении после пожара 1864 года, неоднократно побуждал брата-романиста к тому, чтобы тот дарил родной библиотеке свои произведения, привлекал внимание литературных кругов Петербурга к ее нуждам. Николай Александрович являлся одним из авторов юбилейного Карамзинского сборника и "Краткого обозрения деятельности симбирской Карамзинской библиотеки"[2].

Место Гончарова в комитете занял видный член симбирского земства писатель и публицист Валериан Никанорович Назарьев, один из поборников народного просвещения. В это время он вместе с председателем симбирского уездного училищного совета Н. А. Языковым много занимался земской школой, которая благодаря инспектору народных училищ И. Н. Ульянову переживала свою весну. Не случайно, что с этого времени в списках литературы, намеченной для приобретения в библиотеку, солидное место занимает педагогическая, учебная и детская книга. Так, зимой 1873/74 года Н. А. Языков выписал "Иллюстрированную физическую географию" Н. И. Зуева, "Русскую историю в биографиях Н. И. Костомарова, "Хрестоматию для всех" Н. В. Гербеля, "Атлас рельефных карт" Соковнина, "Атмосферу" К. Фламмариона[3].

На заседании 4 февраля 1874 года комитет с глубой скорбью почтил память скончавшегося в Москве, на 75-м году, Александра Михайловича Языкова. Вместе со своими братьями Николаем и Петром он по праву считался одним из основателей Карамзинской библиотеки и на протяжении четверти века оказывал, по признанию комитета, "самое живое содействие к процветанию оной и ежегодными взносами по

1 Книга протоколов, л.140.
2 Бейсов П. С. Гончаров и родной край. Куйбышев, 1960, с.133.
3 Книга протоколов, л.147.

званию члена комитета, и неод-нократным пожертвованием значительного числа книг и мудрыми опытными советами, и влиятельным ходатайством перед другими лицами, известными в литературном мире"[1].

В связи с волей почившего передать родной библиотеке все собрание своих книг комитет положил: "Приобрести для Карамзинской библиотеки портрет его большого формата, который повесить в первой зале. Завещанную библиотеку, по получении, поместить в особых шкафах под названием: "Пожертвование Александра Михайловича Языкова"[2]. Ровно через десять месяцев В. В. Черников доложил комитету, что книги и журналы — 1379 названий в 3212 томах — вместе со шкафами из Москвы доставлены. Пожертвование побудило комитет принять решение, что начиная с 1 декабря 1875 года на панихиде по Н. М. Карамзину поминать покойных председателей комитетов, начиная с П. М. Языкова, а также "учредителя и почетного члена Александра Михайловича и Николая Михайловича Языковых".

А вскоре сыновья А. М. Языкова — Николай, Алексей, Михаил, Павел и Владимир Александровичи, а также дочери его — Анна Львова, Мария Карпова и Наталья Аристова пожертвовали в основной капитал Карамзинской библиотеки 2400 рублей[3]. Н. А. Языков, выступая 1 декабря 1875 года на заседании комитета, выразил надежду, что общество и впредь будет материально поддерживать публичную библиотеку: "Разве не обязан каждый из образованных людей сделать хоть маленькое усилие для успеха развития в родной стране народного просвещения, этого драгоценного человеческого блага, о котором наш знаменитый историк Н. М. Карамзин сказал, что оно одно живительною теплотою своей может иссушить ту тину нравственности, которая ядовитыми парами своими мертвит все изящное, все доброе в мире; что только в нем, в просвещении мы найдем спасительный антипод для всех бедствий человечества"[4].

Личный пример Языковых и их призыв хоть к "маленьким усилиям" дал плоды: исправнее стали поступать членские взносы, росло число добровольных жертвователей (И. Н. Ульянов вновь внес на этом заседании 3 рубля). Всего же общая сумма пожертвований в 1875 году составила 453 рубля.

По инициативе Н. А. Языкова использовалась такая форма сбора средств в пользу библиотеки, как литературные вечера. Незадолго до очередного дня рождения Карамзина в "Симбирских губернских ведомостях" появилось обращение к "любителям просвещения": "В воспоминание литературных заслуг Историографа Н. М. Карамзина, памятник которого в Симбирске у всех находится перед глазами, в зале гражданской (мужской — Ж. Т.) гимназии 1-го декабря в 7 1/2 часов вечера назначается публичное чтение статьи: "О литературной деятельности Карамзина", составленной препо-давателем истории И. Я. Христофоровым.

---

1 Пятидесятилетнее существование, с.74—75.
2 Книга протоколов, л.147.
3 Там же, л.153.
4 Симбирские губернские ведомости, 1876, 3 января.

За вход в залу для слушания чтения назначена цена 1 руб. серебром, а с гимназистов гражданской и военной гимназий 25 коп. Билеты можно получить в здании гражданской гимназии, а в самый день чтения — при входе в залу. Деньги, которые будут собраны за чтение, предполагаются: частью в пользу Карамзинской библиотеки, частью в пользу бедных студентов Казанского университета"[1].

Не без влияния И. Я. Христофорова, продолжавшего в 1876 году публичные чтения в пользу Карамзинской библиотеки, его воспитанники-восьмиклассники приняли участие в безвозмездной работе по приведению книг в порядок и составлению нового каталога[2].

О росте популярности библиотеки свидетельствуют данные отчета за 1877 год. Книги на дом брали 849 человек, причем в каждый из пяти рабочих дней в неделю библиотекарь обслуживал более 150 лиц. За год было выдано на дом 43 813 книг. Более 100 человек в день читали газеты и журналы в зале. По воскресеньям прием и выдача книг производились только для воспитанников военной гимназии.

7 февраля 1877 года, можно сказать, началось проникновение разночинной интеллигенции в состав комитета Карамзинской библиотеки: вместо графа П. И. Толстого действительным членом был избран И. Н. Ульянов[3]. Через три недели (1 марта) губернатор Долгово-Сабуров письменно уведомил Н. А. Языкова, что он утверждает избрание Ульянова. Вскоре Илья Николаевич стал и казначеем комитета. Ежемесячно он "свидетельствовал" с Н. А. Языковым наличные суммы, процентные бумаги, проверял приходно-расходные книги, счета книжных магазинов, все текущие расходы. Доскональное знание бюджета позволяло Ульянову активно участвовать в организации подписки на газеты и журналы, комплектовании фонда наиболее популярными новинками.

Вслед за И. Н. Ульяновым, в 1878 году, вместо князя М. М. Баратаева (сына известного масона и нумизмата) в состав комитета вошел руководитель чувашской школы Иван Яковлевич Яковлев, а в следующем году место помещика П. В. Карякина занял инспектор классической гимназии И. Я. Христофоров. С учетом того, что в комитете, возглавляемом Н. А. Языковым, состояли А. Ф. Белокрысенко, В. Н. Назарьев и В. В. Черников, можно сказать, что здесь сосредоточился мозговой центр ревнителей просвещения, всей культурной жизни города.

Октябрь 1879 года был ознаменован ценными пожертвованиями. Первое из них — это поступление собрания покойного Владимира Николаевича Карамзина, состоявшее из 1043 сочинений на русском языке, 950 — на французском, 90 — на немецком и 10 — на латинском. В числе этих книг имелись роскошные издания: Библия на французском языке и "Ад" А. Данте на итальянском, а также уникальные голландские, итальянские и французские издания XVII и XVIII веков.

1 Там же, 1875, 29 ноября.
2 Там же, 1877, 17 декабря.
3 Рукописный отдел Дворца книги им. В. И. Ленина, N 75.

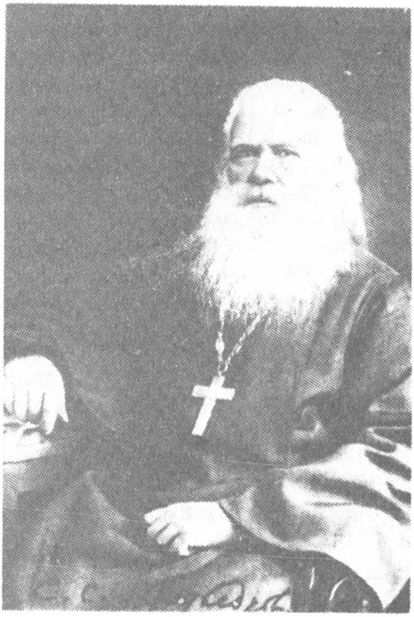
Кадьян А. А. 1887 г.

Горизонтов А. П. 1880-е гг.

Знаменская А. А. 1880-е гг.

Медведков С. С. 1900-е гг.

В том же месяце знаток симбирской старины князь Василий Иванович Баюшев предложил комитету из своего родового архива 346 письменных памятников XVII — XVIII веков, признанных IV археологическим съездом в Казани "весьма важными в историко-юридическом и бытовом отношениях"[1].

Этот год стал апогеем расцвета Карамзинской библиотеки. Губернское дворянство выделило ей еще четыре комнаты, где до этого находилась губернская земская управа. Выдачу книг теперь "непрерывно, не исключая и воскресных дней", производили уже три помощницы библиотекаря В. В. Черникова (Х. М. Пряхина, Е. Н. Глассон и М. М. Павлова). Книги на дом брали уже 1075 человек. Расходы на приобретение литературы достигли 965 руб. 80 коп. в год, а число получаемых периодических изданий увеличилось до 54, из коих 34 поступало за полную стоимость, 5 — за половинную и 25 — "даром", от редакций[2].

В ТРУДНОЕ ВРЕМЯ (1880—1887 гг.)

Русско-турецкая война 1877—1878 годов, последовавшие за ней несколько неурожаев, волнения крестьян и усиление борьбы народовольцев против самодержавия крайне обострили социально-экономическую обстановку в стране. Революционная ситуация нашла свое отражение и в общественной и культурной жизни Симбирска, сказалась, в частности, и на работе Карамзинской библиотеки.

Число читателей как бравших книги на дом, так и пользовавшихся литературой в самой библиотеке в 1880 году несколько даже возросло. Поступление же членских взносов и пожертвований заметно снизилось, что, в свою очередь, негативно отразилось на приобретении книг и периодических изданий: выделение средств на эти цели упало с 966 до 441 рубля.

Невосполнимой утратой для библиотеки стала скоропостижная, от "разрыва сердца", всего лишь на 46-м году жизни, кончина Николая Александровича Языкова, блистательно возглавлявшего комитет более девяти лет подряд. Скончался он 14 февраля 1881 года. Не успели члены комитета собраться на заседании, как 1 марта Симбирск потрясло известие об убийстве народовольцами Александра II. На состоявшемся 2 марта заседании председателем комитета был избран двоюродный брат покойного председателя Александр Петрович Языков, занимавший этот пост в 1866—1871 годах.

Отрадным событием 1881 года стало решение почетного члена Карамзинской библиотеки Ивана Александровича Гончарова

---

1 Симбирские губернские ведомости, 1880, 15 января.
2 Календарь Симбирской губернии на 1881 год. Симбирск, 1880, с.149.

передать в ее фонды из своего личного собрания 350 книг, да комплекты "Отечественных записок", "Вестника Европы", других журналов, накопившихся за последние 8—10 лет[1]. Комитет с благодарностью принял этот драгоценный дар земляка-романиста и вместе с ранее пожертвованной им литературой (около 900 томов) поместил его в "особый шкаф".

Несмотря на все возрастающую тягу горожан в "публичку", распорядок работы ее по воле председателя был изменен не в лучшую сторону: суббота стала выходным днем, а время занятий в читальном зале было установлено неудобное — с 10 до 16 часов[2].

Это непопулярное решение А. П. Языкова явилось лишь началом его пренебрежительного отношения к принципу коллегиальности в деятельности комитета. Его предшественник, как это и предусмотрено Уставом, заседания проводил ежемесячно, иногда даже по нескольку раз, и на них обсуждались все важнейшие дела библиотеки.

Александр же Петрович собирал комитет от случая к случаю, узким составом и порою проявлял к коллегам высокомерие. Так, напоминая В. В. Черникову о его задолжности в уплате взносов, председатель обидел этого, одного из давних и полезнейших членов комитета, и Василий Васильевич письменно уведомил Языкова о своем решении "прекратить всякие сношения с библиотекой". Члены комитета, заслушав на заседании 21 декабря письмо Черникова, поручили председателю пригласить обиженного коллегу, но он не сделал этого. Зато теперь Александр Петрович, как отметил современник, "соединял уже в своем лице и председателя, и казначея, и библиотекаря, хоть по § 12 и 15 Устава на последние две должности избираются другие лица"[3].

Как и следовало ожидать, забвение коллегиальности и гласности сказались не лучшим образом на делах библиотеки. В 1882 году время работы с читателями сокращается с 10 до 15 часов, что, естественно, привело к снижению посещаемости: с 28 000 она упала до 14 043 человек в год, то есть в два раза.

Небывало сократилось приобретение новых книг: за год в "Хронологическом каталоге" появилось всего шесть названий в семи томах. Правда, это пополнение произошло по инициативе И. Н. Ульянова и его сына Александра: рукой семиклассника, страстно увлеченного естественными науками, была написана заявка на "Физическую химию" Н. Любавина (в двух томах), "Очерки сравнительной анатомии" Э. К. Брандта, "Популярные очерки по естествознанию" А. К. Попова, "Царство протистов. Очерк низших организмов" Э. Геккеля, "Органическую химию" Веллера и Фиттиха. Илья Николаевич дописал в этот список "Письма о современном состоянии России (апр. 1879 — 6 апреля 1880)"[4].

После этих приобретенных за деньги произведений в "Хронологическом каталоге" идут пожертвования натурой, посту-

---

1 Отчет о состоянии Карамзинской библиотеки за 1880 год. Симбирск, с.1
2 Пятидесятилетнее существование, с.89.
3 Там же, с.91.
4 Трофимов Ж. По заявке А. Ульянова.— Ульяновская правда, 1991, 9 июля.

пившие в библиотеку за 1882 год. Знаменательно, что в их числе значатся 8 томов "Отчетов о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии" за 1872—1880 годы. В графе "Имя издателя и типография" рукой Ильи Николаевича записано: "Ульянов. Губ. типография"[1].

Чем дальше, тем меньше заботы проявлял А. П. Языков о пополнении фондов и читателях. Если в 1883 году на переплетные работы было израсходовано 285 руб. 60 коп., то на приобретение новых книг — только 43 руб. 15 коп[2].

Зато председатель внимательно следил за общественной и литературной жизнью и чутко реагировал на нее. 14 февраля он от имени комитета выразил глубокую благодарность И. А. Гончарову за присланные им в библиотеку 8 томов сочинений П. А. Вяземского и вместе с ним принес писателю-земляку поздравление с 50-летием его литературной деятельности и лучшие пожелания на будущее. По случаю коронации Александра III и его супруги Языков от имени комитета направил им 10 мая поздравительную телеграмму, а библиотека во все три дня празднования по вечерам была иллюминирована. Соблюдая традицию, председатель аккуратно посылал императрице годовые отчеты о состоянии Карамзинской библиотеки[3].

По инициативе Александра Петровича 4 сентября в библиотеке собрались на панихиду "многие из почитающих талант" скончавшегося 23 августа во Франции И. С. Тургенева. Информируя читателей "Симбирских губернских ведомостей" об этом событии, репортер отметил: "Для свершения панихиды по Иване Сергеевиче более приличного места, как Карамзинская библиотека, нельзя было и придумать — в этом хранилище литературных произведений ума человеческого едва ли не каждый день читались и будут читаться бессмертные произведения нашего знаменитого почившего литератора, в которых с поразительною верностью художественным пером изображалась современная жизнь и выяснялись причины современного движения"[4].

Однако сам-то А. П. Языков тяготел к правому флангу "движения". Это отчетливо проявилось и в конце года, когда "в виду недостатка денег на покупку вновь выходящих книг" из списка подписки на периодические издания были исключены в основном демократические издания: "Волжский вестник", "Страна", "Наблюдатель", "Народная школа", "Женское образование", "Русское богатство", "Дело"[5]. Можно сказать, что председатель комитета на сей раз предусмотрел предначертания Петербурга, в частности, печально знаменитый циркуляр министра внутренних дел со списком "произведений печати, которые на основании Высочайшего повеления от 5 января 1884 года не должны быть допускаемы в общественных читальнях".

---

1 Хронологический каталог Карамзинской общественной библиотеки. 1882, л.79.

2 Отчет о состоянии Карамзинской библиотеки за 1883 год. Симбирск, с.3.

3 Пятидесятилетнее существование, с.93, 94.

4 Симбирские губернские ведомости, 1883, 10 сентября.

5 Пятидесятилетнее существование, с.93.

Но даже Александр Петрович растерялся, когда увидел в списке произведения авторов (К. Маркса, Н. Чернышевского, А. Щапова, П. Лаврова и др.), широко печатавшихся в таких журналах, которые не подлежали изъятию из общественных книгохранилищ: пришлось обращаться за консультациями к симбирскому полиц-мейстеру...[1].

Быстро сориентировался в обстановке член комитета Карамзинской библиотеки директор классической гимназии (он же начальник Мариинской женской гимназии) Федор Михайлович Керенский. Еще в 1882 году в докладе попечителю Казанского учебного округа он сетовал на то, что старшеклассники мало читают "Пушкина, Гоголя и других главнейших писателей. Чтобы устранить этот недостаток,— пояснял Керенский,— я лично следил за чтением учеников в старших классах, кому следует указывал книги из гимназической или из общественной Карамзинской библиотеки..."[2]. Теперь же Керенский не только не поощрял посещения публички, но, наоборот, не желал этого. В донесении тому же попечителю округа он, как настоящий охранитель, сокрушался: "К сожалению, вполне строгий контроль над ученическим чтением невозможен потому, что многие ученики берут книги не из гимназической только библиотеки, но также из общественной Карамзин-ской чрез посредство родственников или других лиц"[3].

Однако фискальные меры учебного начальства еще более усилили интерес свободолюбивой молодежи к литературе "обличительного" направления. "Как только мы узнали об изъятии из общественных библиотек "вредных" книг 120 авторов, в том числе сочинений Добролюбова, Писарева, Помяловского, Менделеева, Сеченова и других,— вспоминал воспитанник симбирской духовной семинарии,— то это только подлило масла в огонь: контрабандой почти все принялись за книги и перечитывали даже то, до чего, при отсутствии репрессий, и не докумекнулись бы дотронуться. Опальные авторы выросли в наших глазах, и само запрещение было истолковано как солидная рекомендация"[4].

Понадобившуюся литературу молодежь доставала в личных библиотеках. Так, старшие дети Ульяновых брали сочинения Белинского, Писарева у знакомого доктора-демократа И. С. Пок-ровского[5]. По инициативе В. А. Аверьянова — одноклассника Александра Ульянова по пяти классам учения в гимназии, руководителя нелегального кружка самообразования, стала активно создаваться библиотека из книг и журналов, изъятых из Карамзинской библиотеки. "Начиная с 4-го класса, почти все гимназисты, за весьма малым исключением, давали на эту библиотеку деньги и книги,— сообщал в связи с этим начальник симбирского губернского жандармского управления ге-

---

1 Отдел редких книг Дворца книги им. В. И. Ленина, N 98, л.17, 18.
2 ГАУО, ф.101, оп.1, д.341, л.6.
3 Трофимов Ж. Гимназист Владимир Ульянов. Саратов, 1976, с.92.
4 Симбирские епархиальные ведомости, 1914, неофиц.отд., с.632.
5 Ульянова А. И. о В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988, с.49.

нерал-майор фон П. М. Брадке Ф. М. Керенскому.— Библиотека эта начала создаваться в сентябре 1884 года"[1].

Казалось бы, председатель комитета Языков должен был предпринять хоть какие-нибудь меры по оживлению работы общественной библиотеки, сохранению ее роли центра культурной жизни Симбирска. Увы, Александр Петрович словно забыл о § 2 Устава библиотеки, гласящем, что ее цель — предоставить "всем жителям города полезное чтение и способы к образованию". По-прежнему библиотека работала в неудобное для тружеников время — с 10 до 15 часов. Расходы на приобретение литературы снизились в 1885 году до 286 руб. 15 коп. (против 525 руб. 73 коп. в 1881 году). Число поступавших газет и журналов сократилось с 51 в 1881 году до 44 в 1885 году. Удручающе падала посещаемость библиотеки. Если в 1881 году книги и ноты под залог брали на дом 1080 человек, в том числе 86 юношей из классической гимназии и 10 девушек из Мариинской, то через четыре года на дом брали 581 человек, из которых "классиков" было уже только 44, а гимназисток — 6.

Явный упадок в работе библиотеки во многом происходил от попрания А. П. Языковым уставных норм, предусматривавших ежемесячное проведение заседаний комитета для обсуждения всех дел "до устройства и управления библиотеки касающихся". Самоуправное же руководство председателя в совокупности с реакционным министерским циркуляром об изъятии из общественного пользования книг 120 авторов и журналов демократического направления не могло не отбивать охоту к членству даже у просветительски настроенных деятелей, ибо оно на практике было сведено к присутствию на годовых заседаниях в день рождения Карамзина и уплате 15-рублевых взносов. Однако никто из них не покинул комитет и поддерживал его материально, и не только членскими взносами.

Кстати, 1885 год оказался неплохим на пожертвования "натурой". Наследники князя В. И. Баюшева передали в библиотеку завещанные им книги — 80 названий в 159 томах. Е. П. Бестужева (родственница семьи Языковых) подарила 345 сочинений в 503 томах, а бывший председатель комитета В. П. Языков — 892 тома. Жена полковника Е. А. Винтер преподнесла библиотеке свою коллекцию довольно редких японских вещей из 80 предметов[2].

Характеризуя события 1885 года, Е. С. Котовщиков, автор исторического очерка о 50-летнем юбилее библиотеки, утверждал: "В этом году из членов комитета выбыли Белокрысенко за смертью, Черников, Христофоров, Ульянов и Яковлев. Хотя на место выбывших комитетом были избраны князь И. М. Оболенский, Н. Е. Крупенский, А. А. Пашков и Н. Я. Якубович, но, надо полагать, все эти лица отказались от этой чести..."[3].

Современный исследователь А. Л. Карамышев расценил эти изменения как "разгром", учиненный председателем А. П. Языковым. Особо выделив В. В. Черникова, который за "чрезмерный радикализм

---

1 Трофимов Ж. Гимназист Владимир Ульянов, с.120.

2 Пятидесятилетнее существование, с.95.

3 Пятидесятилетнее существование, с.96.

и нигилизм" первым был выведен из комитета Языковым, Карамышев продолжал: "Из числа членов одновременно были выведены И. Н. Ульянов, И. Я. Яковлев и И. Я. Христофоров. Вместо них губернатор утвердил членами комитета ярых монархистов — князя Оболенского, помещиков Крупенского, Пашкова, директора военной гимназии Якубовича"[1].

Тщательный просмотр "Главной приходно-расходной книги Карамзинской общественной библиотеки за 1883—1888 годы" убедил меня, что Е. С. Котовщиков и особенно А. Л. Карамышев по каким-то причинам исказили картину изменений состава комитета. Достаточно сказать, что В. В. Черников выбыл из него только потому, что... ушел из жизни в начале 1886 года, в возрасте 65 лет. Выяснилось также, что И. Н. Ульянов 15 января 1885 года внес обязательный 15-рублевый взнос, а 1 декабря, в день рождения Н. М. Карамзина, пожертвовал в пользу библиотеки еще 5 рублей. Если учесть, что Илья Николаевич уплачивал членский взнос одним из первых, то смело можно полагать, что в середине января 1886 года он выполнил бы уставную обязанность, но 12 января он скоропостижно скончался. Как бы то ни было, а Илья Николаевич до последних своих дней был тесно связан с жизнью Карамзинской общественной библиотеки и почил, оставаясь действительным членом ее комитета.

Вещественным напоминанием этой связи стало последнее издание "Систематического каталога книгам, находящимся в Симбирской Карамзинской библиотеке" — томик в 160 страниц, который Илья Николаевич приобрел 5 сентября 1885 года, уплатив за него 70 копеек серебром[2]. Этот каталог стал для Владимира и Ольги Ульяновых своеобразным пособием в организации своего чтения.

Начиная с 1886 года на заседаниях комитета, кроме А. П. Языкова да двух непременных членов — ректора духовной семинарии Н. В. Охотина и директора классической гимназии Ф. М. Керенского, еще изредка появлялись Василий Петрович и Павел Александрович Языковы. В таком составе комитет в ответ на жалобы горожан о "недостатке новых книг и малое количество периодических изданий" поручил председателю "выработать изменение устава в том смысле, чтобы за чтение книг, получаемых на дом, установить небольшую плату..."[3].

Библиотека хронически испытывала недостаток средств, ибо министерство народного просвещения давало лишь 300, а городская дума еще вдвое меньше — 150 рублей. Поступление же членских взносов в 1886 году составило 30, а в 1887 — даже 15 рублей. Как и прежде основное пополнение фондов происходило за счет пожертвований доброхотов. В 1887 году от пастора М. А. Курца поступило книг 169 названий в 341 томах, но преимущественно на немецком языке.

---

1 Известен всей России. И. Н. Ульянов. Статьи, документы, материалы, воспоминания. Сост. А. Л. Карамышев. Саратов, 1974, с.108.
2 Отдел редкой книги Дворца книги им. В. И. Ленина, N 70, л.331 об.
3 Пятидесятилетнее существование, с.96.

Ссыльный народник А. С. Бутурлин подарил 122 тома различных сочинений, жена губернатора — 50 томов и земский деятель Ф. А. Анненков — 37[1].

Сама библиотека в 1887 году приобрела за деньги сочинения всего лишь 27 авторов. Такое мизерное пополнение фондов новинками не могло удовлетворять запросам жителей губернского центра и подрывало авторитет "публички".

И ДЛЯ ГРЯДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Уже с осени 1887 года о Карамзинской библиотеке стали появляться в печати и критические материалы.

Автор первого из них корреспондент "Казанского биржевого листка" Н. Никифоров, побывав в ней, написал критический очерк, в котором, однако, высказал ряд ошибочных суждений. Так, он уверял читателей, что название "Карамзинская" основано на том, что она была создана "на средства, пожертвованные благодетелем Симбирска — Карамзиным (сыном историка)". Вычитав в отчете за 1886 год, что в библиотеку поступило членских взносов всего лишь 30 рублей, приезжий журналист упрекнул всех симбирян за небрежение к читательским обязанностям. На самом же деле этот упрек надо было адресовать лишь членам комитета, ибо только они обязаны были вносить по 15 рублей в год. Не ведая о том, что учебное начальство чинит препятствия посещению "публички", корреспондент снова обличает: "В Симбирске из гимназистов читает 15 человек на сто; из кадетов и гимназисток — только 2 на сто"[2].

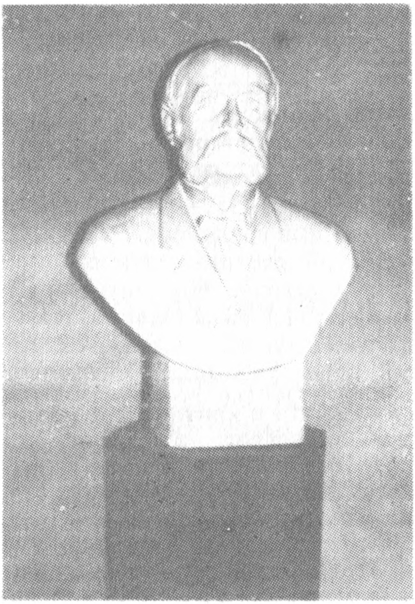
Более основательные претензии содержались в заявлении анонимного автора, предъявленном 30 ноября 1887 года комитету от имени постоянных читателей. В нем говорилось: "Симбирская читающая публика всегда относилась благосклонно к Карамзинской библиотеке и, по силе возможности, делала пожертвования в нее в виде книг, денег и др., вкладывала большое число залогов на право пользования книгами, большой массой посещала библиотеку, особенно в 60-х и 70-х годах. Комитет библиотеки,— говорилось далее в записке,— в свою очередь шел навстречу желаниям и вкусам публики. Журналы и газеты лучшие тогда выписывались почти все и читающая публика в библиотеке вполне могла себя чувствовать удовлетворенною". Иными видятся автору современные отношения между читателями и библиотекой: "Теперь публика, в лице старшего поколения, не находит в библиотеке старого близкого отношения комитета к библиотеке, а, следовательно, и к запросам и вкусам публики. Она видит в последнее время, что вместо многих старых журналов и газет, прекратившихся своим изданием, в библиотеке новых журналов и газет, за некоторыми исключениями, не выписывают... Вместо запрещенных для

1 Пятидесятилетнее существование, с.97.

2 Никифоров Н. Симбирск и его общественная жизнь. Казань, 1888, с.25.

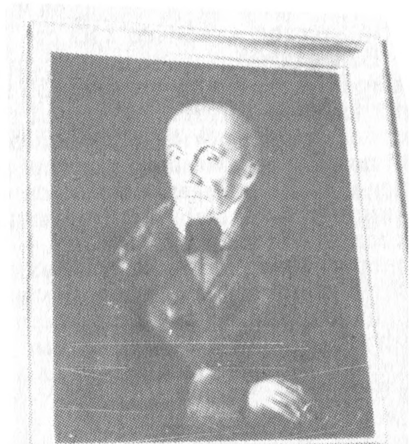
Бюст Н. М. Карамзина в комнате заседаний комитета.

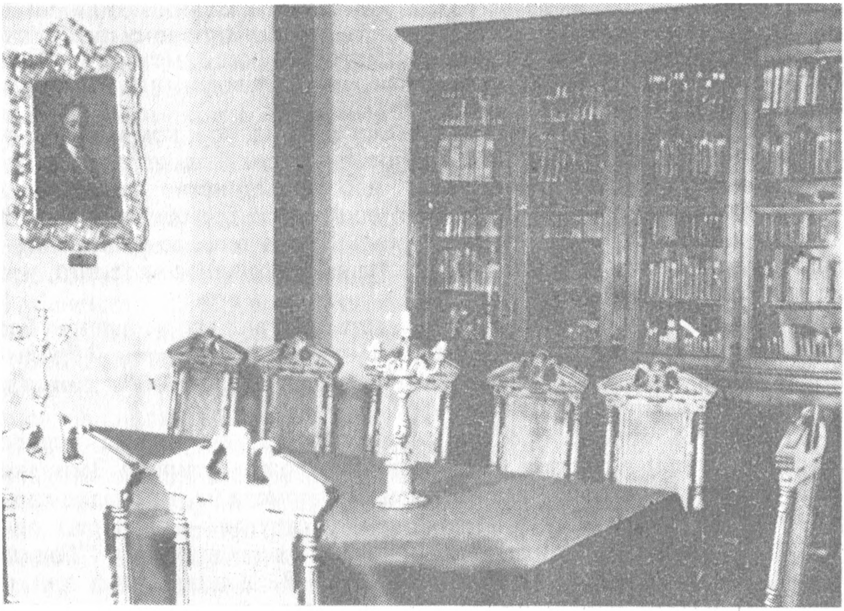
Бюст И. А. Гончарова в комнате заседаний комитета.

Н. М. Карамзин. Портрет в комнате заседаний комитета.

В. М. Карамзин. Портрет в комнате заседаний комитета.

Комната заседаний комитета Карамзинской библиотеки. 1992 г.

Читальный зал Карамзинской библиотеки. 1992 г.

выдачи публике книг она не видит в каталоге названий сочинений, могущих открыть глаза публике, увидеть причины, почему они на самом деле вредны для молодого поколения. Публике заметно, что библиотека не старается приобресть книги, могущие воспитать в молодом поколении здравые убеждения...".

Вслед за этим в 1889 году в печать попало письмо к комитету, подписанное уже 156 читателями, которые просили восстановить вечерние часы работы библиотеки, ибо большинство симбирских граждан день посвящают частным и общественным обязанностям и имеют свободными лишь вечернее время. Кроме того, по мнению подписавшихся, получение книг на дом "связано со взносом залога, что не для каждого возможно"[1].

Комитет, ссылаясь на нехватку средств, оставил эти заявления без последствий. К отрадным же явлениям в жизни общественной библиотеки можно отнести ценные пожертвования "натурой", которые продолжали поступать главным образом от симбирян.

В 1888—1889 годах поступило небольшое, но весьма редкое собрание книг и журналов от знаменитого поэта-сатирика Дмитрия Дмитриевича Минаева. Часть их, судя по пометкам, принадлежала его отцу — поэту Дмитрию Ивановичу, другая — подарки литераторов, друзей Дмитрия Дмитриевича, с их автографами ("Год на севере" С. Максимова, "Наши знакомые" В. Михневича и др.) и третья — произведения самого сатирика и его переводы. Очередное, представляющее громадную библиографическую редкость, пожертвование Д. Д. Минаев сопроводил примечательной запиской: "Принося в дар Симбирской Карамзинской библиотеке роскошное иллюстрированное издание "Божественной комедии" Данте, в своем переводе (три тома), при этом позволю выразить желание, чтобы эти книги были общедоступными решительно для всех желающих с ними ознакомиться"[2]. Эта записка говорила о многом. Ведь цензура разрешила это издание творения Данте в русском переводе с непременным условием, что оно будет "роскошным", дорогим (около 60 рублей), а следовательно, и недоступным для простого народа.

Из других пожертвований конца 80-х — начала 90-х годов выделялись дары родственников видного врача и руководителя городской метеостанции П. М. Казакевича (163 названия в 200 томах), бывшего инспектора классической гимназии И. Я. Христофорова (10 названий в 18 томах) и П. А. Валуева (3 названия в 42 томах).

В целом же, вплоть до кончины председателя комитета А. П. Языкова (наступившей 24 ноября 1896 года) роль Карамзинской библиотеки в культурной жизни Симбирска неуклонно снижалась. Непосредственными причинами этого печального явления стали бездействие комитета, годами, состоявшего из 2—3 членов, и слабое участие общественности в пополнении средств библиотеки.

Главную же роль сыграло быстрое развитие библиотек в клубах, особенно в Соединенном собрании, а также в мужской и женской гим-

---

1 Пятидесятилетнее существование, с.114, 118.
2 Пятидесятилетнее существование, с.98.

назиях, кадетском корпусе, духовной семинарии, центральной чувашской школе, при дирекции народных училищ губернии. Но взрослому читателю и эти книгохранилища были недоступны, и известная в Симбирске общественная деятельница Александра Александровна Знаменская открывает 17 января 1893 года бесплатную народную библиотеку-читальню в память И. А. Гончарова, которая и стала играть роль "публички", особенно для читателей из податных сословий.

В первом же году своего существования новая библиотека превзошла Карамзинскую по основным показателям. Если последняя имела 553 абонента и 16 507 выдач изданий, то новорожденная имела 864 абонента и 23 829 выдач, состоявших, главным образом, из наиболее популярных журналов, "литературы для народа", учебных пособий[1]. В дальнейшем это соотношение изменялось, но опять-таки не в пользу Карамзинской библиотеки: в предвоенном 1913 году число абонентов снизилось до 437, а в 1916 — до 407. Количество взятых ими на дом книг составило соответственно 20 143 и 16 166 томов[2]. В Гончаровской же библиотеке фонды и число читателей неуклонно росли, и в 1916 году книги на дом получали около пяти тысяч человек, а число выдач достигло 120 с лишним тысяч![3].

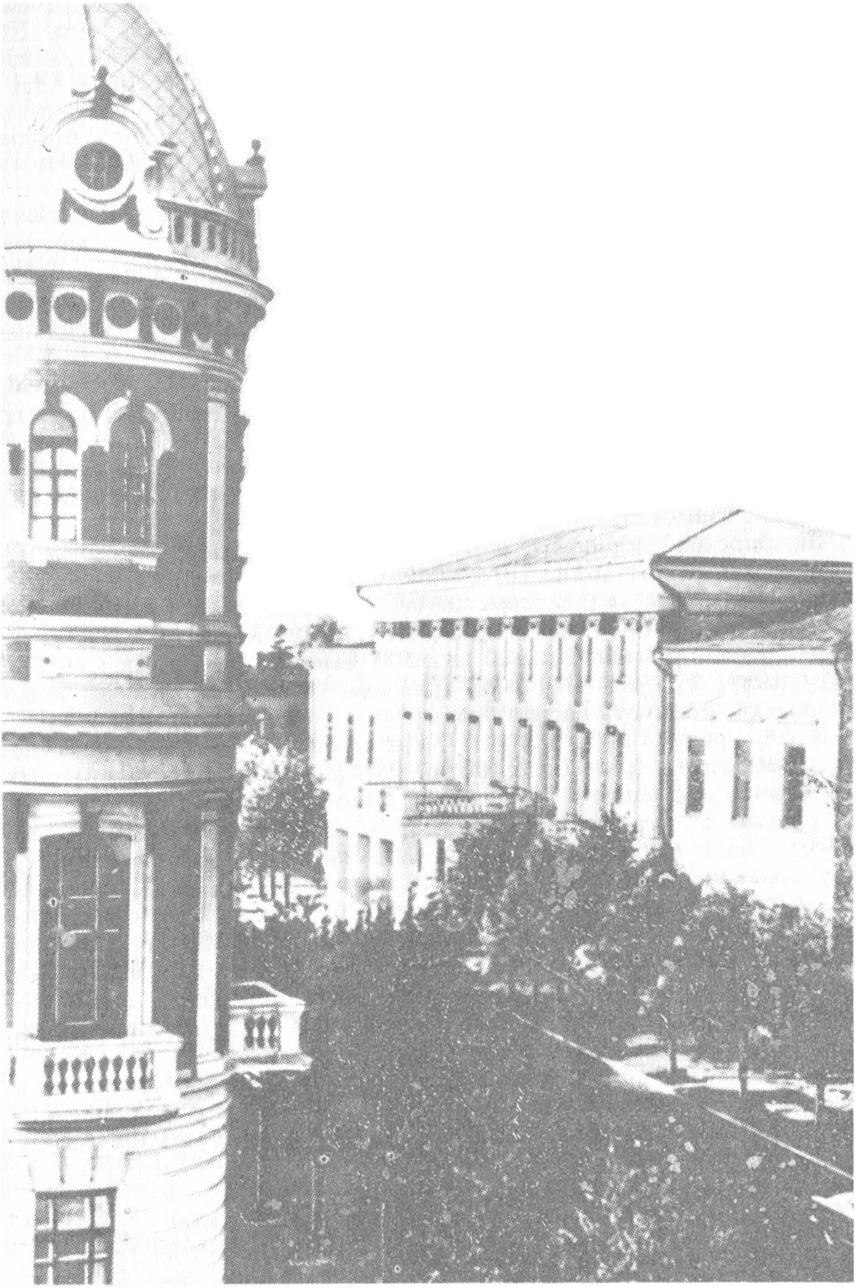
Симбирское дворянство словно тяготилось нахождением общественной библиотеки в своем доме и по существу от нее отказалось, изъявив согласие на ее перемещение в воздвигавшийся по соседству дом-памятник И. А. Гончарову. Летом 1915 года Карамзинская библиотека заняла в нем нижний этаж и заведование ею перешло к руководству губернской ученой архивной комиссии. Освобожденные библиотекой комнаты дворянство передало 2-ой мужской гимназии[4].

В феврале 1920 года Карамзинская библиотека по распоряжению властей освободила этаж Краеведческому музею и была перемещена в левое крыло каменного здания на Покровской улице, где размещалась Гончаровская библиотека[5]. Вскоре обе библиотеки решением комиссии по народному образованию были слиты в одну и это объединение теперь именовалось "Центральной городской библиотекой имени Гончарова и Карамзина". Фактически же оба книгохранилища сохраняли свои фонды обособленно, и в "научно-архивный отдел имени Карамзина" вошли "все книги бывшей Карамзинской библиотеки, за исключением книг позднейших поступлений, выделенных в основной фонд Центральной библиотеки".

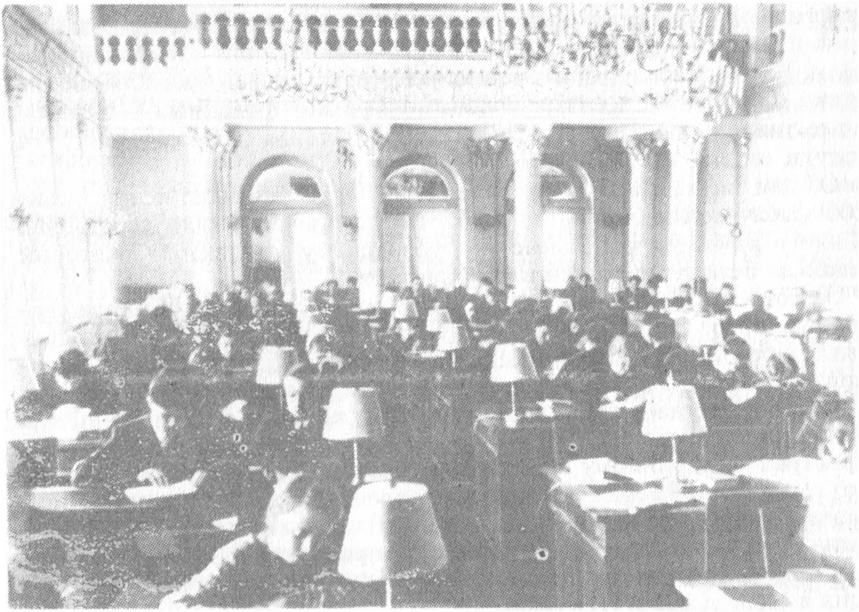
Впоследствии городская библиотека получила статус губернской и осенью 1924 года заняла все помещения бывшего Дворянского собрания, а 21 января 1925 года, в первую годовщину со дня смерти

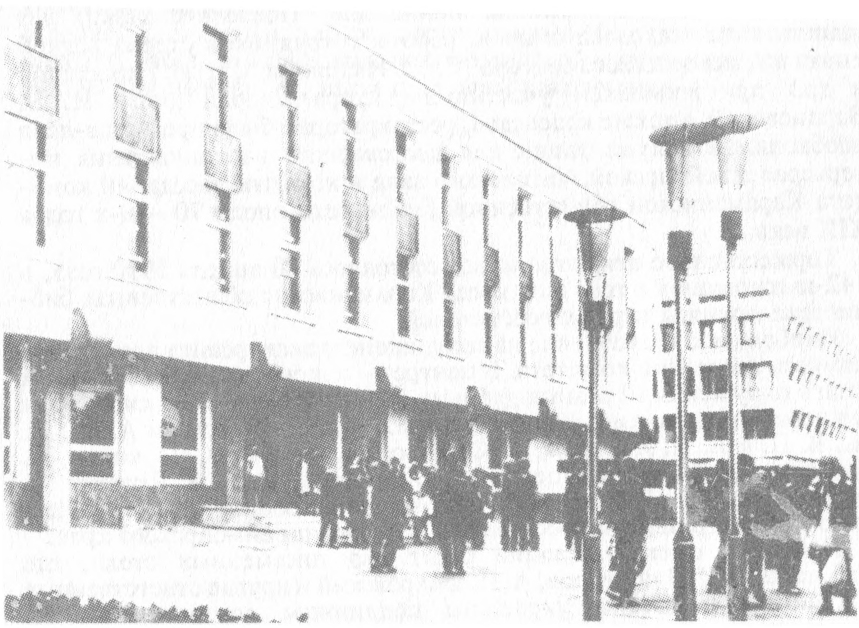
1 Самарская газета, 1894, 30 марта.
2 Отчет Карамзинской библиотеки за 1913 год. С-к, 1914, с.10; Отчет Карамзинской библиотеки за 1916 год. С-к, 1917, с.3.
3 Экономический путь, 1923, 30 января.
4 Красный библиотекарь, 1939, N 10, с.29.
5 Отчет Карамзинской библиотеки за 1913 год. С-к, 1914, с.10; Отчет Карамзинской библиотеки за 1916 год С-к, 1917, с.3.

Дворец книги им. В. И. Ленина. Вид со стороны Краеведческого музея им. И. А. Гончарова. 1980-е гг.

Читальный зал Дворца книги им. В. И. Ленина. 1960-е гг.

Дворец книги им. В. И. Ленина. Корпус-пристрой к Дворцу книги им. В. И. Ленина. 1984 г.

своего великого земляка, она была преобразована во "Дворец книги имени В. И. Ленина". В состав Дворца книги вошли четыре библиотеки: Карамзинская, Гончаровская, Губернская центральная библиотека (возникшая после революции из реквизированных библиотек помещиков и различных учреждений) и Детская (основанная в 1914 году)

Общая численность книжного фонда на это время составляла около 200 тысяч томов, из которых 65 тысяч принадлежало собственно Дворцу книги, а остальные — губернскому коллектору, который снабжал бесплатно районные библиотеки.

За последующие десятилетия, в связи с тем, что Дворец книги удостоился права на получение обязательного экземпляра книг, издаваемых в стране на русском языке (по профилю области), и всей местной печатной продукции, его фонды росли стремительно. В середине 70-х годов, когда в хранилище имелось уже более миллиона томов, началось возведение внушительного по размерам корпуса — пристроя к старинному зданию Дворянского собрания. С вводом же его в строй в 1983 году Ульяновская ордена Трудового Красного Знамени областная научная библиотека — Дворец книги имени В. И. Ленина — по богатству своих фондов, материальной базе и уровню информационно-библиографической деятельности стала одной из ведущих в Поволжье и Приуралье.

Теперь для ревнителей симбирского прошлого появилась и долгожданная возможность воссоздания мемориального музея "Карамзинская общественная библиотека". После нескольких лет кропотливой исследовательской работы сотрудников отдела редкой книги и краеведческого сектора (Л. Ю. Ивашкиной, Н. И. Никитиной и др.) при живейшем участии директора Дворца книги И. Э. Барановской, а также краеведов, реставраторам была представ-лена необходимая документация для достоверного восстановления интерьеров швейцарской, читального зала и комнаты заседаний комитета Карамзинской общественной библиотеки эпохи 70—80-х годов XIX века.

Торжественное открытие музея состоялось 30 апреля 1990 года, в 142-ю годовщину с того дня, когда Карамзинская общественная библиотека приняла первых посетителей.

Наибольшее впечатление на сегодняшнего экскурсанта производит комната заседаний комитета. В центре — покрытый зеленым сукном стол в окружении 12 резных дубовых стульев с плетеными сиденьями и высокими спинками. Именно на этих стульях восседали А. М., Н. А., В. П. и А. П. Языковы, А. Ф. Белокрысенко, В. В. Черников, Н. А. Гончаров, И. Н. Ульянов, И. Я. Христофоров, И. Я. Яковлев, В. Н. Назарьев, Ф. М. Керенский, другие видные общественные деятели и поборники развития просвещения и культуры симбирского края.

Напротив стола заседаний стоят два письменных стола, где работали И. И. Благодаров, А. П. Покровский и другие ответственные библиотекари. Стены украшены подлинным портретом Н. М. Карамзина, копией портрета его старшего брата В. М. Карамзина и

фотопортретом Н. А. Языкова, а в простенке между окнами — великолепные бюсты Н. М. Языкова и Н. М. Карамзина.

Гордость библиотеки — дарственные произведения замечательных уроженцев нашего края, а также очень редкие и дорогие фолианты, пожертвованные высокопоставленными меценатами. В высоком и широком — во всю стену — застекленном шкафу, состоящем из пяти секций,— собрания книг Н. М. и А. М. Языковых, И. А. Гончарова, Карамзиных, С. Д. Сырейщикова (московского купца-библиофила), членов царской семьи. В шкафу, стоящем у противоположной стены, с входом в читальный зал, хранятся творения Д. И. и Д. Д. Минаевых, В. Ф. Одоевского, Д. П. Ознобишина, а также редкие издания на немецком, английском и других иностранных языках.

Все девять шкафов читального зала, вместивших около четырех с половиной тысяч томов,— изделия местных столяров 60-х годов XIX столетия. Что же касается массивного стола для читателей, то он был сработан французскими мастерами. Портреты Н. М. и А. М. Языковых, Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, украшающие стены зала,— тоже подлинные.

В коридоре, названном "портретной",— копии живописных портретов П. М. и Н. А. Языковых, П. Н. Ивашева, Д. П. Ознобишина, а также большое полотно "И. Н. Ульянов среди членов комитета Карамзинской общественной библиотеки" художника А. И. Дягилева.

Важным дополнением мемориальной части музея являются два зала документальной экспозиции, представляющих возможность ознакомиться с историей становления и развития Карамзинской общественной библиотеки, а также с материалами об энтузиастах, сделавших все, чтобы эта сокровищница российской культуры несла свет и знания как нынешним, так и грядущим поколениям.

СОДЕРЖАНИЕ

Трофимов Жорес Александрович
СИМБИРСКАЯ КАРАМЗИНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
Исторический очерк

Редактор *Д. В. Розанов*
Обложка художника *Е. В. Антонова*
Технический редактор *Н. Б. Масалова*
Корректоры *А. В. Садовникова*, *М. Т. Беляева*

Подписано в печать 10.10.92. Формат 60x90 1/16
Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 3,0. Усл.кр.-отт. 3,25. Уч.-изд.л. 3,4.
Тираж 5 000 экз. Заказ № С26.

Набор и фотоформы выполнены Издательским центром "Россия молодая".

Издательский центр "Россия молодая",
129344, Москва, ул. Радужная. д.13

Ульяновское управление информпечати. М. П. "Офсет",
г. Димитровград, ул. Дачная. 97

19ч

Москва
Издательский центр «Россия молодая»
1992